

ЕВГЕНИЙ
СУХОВ

РУСЬ
ОКАЯННАЯ

КНЯЖИЙ
УДЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Русь окаянная

Евгений Сухов

Княжий удел

«ЭКСМО»

2005

Сухов Е. Е.

Княжий удел / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2005 — (Русь окаянная)

Василий Васильевич, внук прославленного Дмитрия Донского, стал великим князем Московским, когда ему только-только исполнилось десять лет. И всю жизнь вынужден был вести ожесточенную борьбу со своими дядьями и двоюродными братьями, поскольку права на московский стол у Василия были далеко не бесспорны. Претенденты предательски ослепили Василия, после чего он получил прозвище Темный. Но до конца своих дней не отказался от княжьего удела, от данной ему Богом власти. В тяжелых условиях правил Василий Второй Темный. В тяжелые времена. Впрочем, когда они были легкими в нашей многострадальной стране?..

© Сухов Е. Е., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгений Сухов

Княжий удел

Роман посвящаю брату Дмитрию

Часть первая

Выезд в Орду

Зима в том году стояла лютая. Недаром в народе месяц декабрь называют студень. Снег едва прикрыл замерзшую почву, и она огромными плешинами проступала в бору. Сильные морозы изукрасили ее многочисленными трещинами, и земля, бесстыдно раскинув напоказ свое неприкрытое тело, с нетерпением ожидала снежного покрова, который укутает ее в мягкое снежное одеяло. Ветер между тем становился все сильнее и яростнее: заковал, словно колодника, и быструю глубокую речушку. Она замедлила свое стремительное течение у деревни, где по весне широко разливалась, подступая прямо к плетням огородов.

Ждали в деревне снег с той неистовостью, с какой пахарь молит в жару о благодатном ливне: ведь он зерно напоит, стало быть, и хлеб уродится. А снега все не было, задержался где-то, родимый. Укрыл бы он белым пухом землю потеплее, сберег семена, брошенные щедрой рукой в землю по осени.

Дошли наконец до Господа людские мольбы, и снег повалил мягкими хлопьями ранним утром в Варварин день. Он сразу приодел в белое поле, лес, реку; и одинокая сосна, что стояла на самом краю опушки, походила на невесту, надевшую фату. Уже навалилась темень, а снег все падал. Он казался праздничным, лежал нетронутым и непорочным в своей белизне. Быть ему таким до следующего утра, а уже потом его растопчут идущие по воду бабы и спешащие за дровами в лес мужики. Примнут его бесшабашные ребята. А из окон иной раз выглянет довольное лицо хозяина: снег-то всегда к добру – весной землю водой насытит, а она уже потом не обидит христианина.

Рассвет наступал незаметно: поначалу ночь таинственно скрывала крепко сложенные избы, словно прятала беглеца, а потом очертания домов проступили отчетливее – так бывает, когда от кострища поднимается ядовитая желтая дымка. И вот уже из темного плена освобожден лес, замерзшая река, а в версте от деревеньки на дороге появилась горстка всадников.

– Государь, ты плащ бы накинул. Снег-то какой валит, – заботливо подсказал Василию воевода Плещеев. – Пока доберемся, вымокнешь совсем.

Снег ложился на реку, словно хотел уберечь прозрачную замерзшую гладь от дурного глаза, и там, где она широко разливалась, напоминала ровное поле. Вот туда и ехал князь, сокращая себе путь до Кремля. Сбоку оставалась деревенька, избы которой курились белым дымом, и он стлался над землей петляющей полосой. Следом за Василием, шаг в шаг, поспешала дюжина всадников.

Князь не ответил. Молчал, словно обет дал. Губы его сжались – видно, дума одолела крепкая, и сейчас Василий напоминал деда – Дмитрия Донского: то же движение губ, тот же упрямый подбородок, и молчун точно такой же. Бывало, Дмитрий Иванович за всю дорогу и слова не обронит, а ежели скажет, то будто самоцветами одарит.

Боярин подметил, что Василий Васильевич за минувший год подрос и окреп. Стукнуло князю едва шестнадцать, а уже шесть лет, как стал великим московским князем. Рано повзрослел Василий, ему бы еще в лесу с девицами хоробы водить, через кострища лихо сигать, а он вот соколиную охоту выбрал. По-княжески!

Сокольник ехал подле князя, такой же молоденький, как и сам Василий, вертел из стороны в сторону головой. На руке сокольника, вцепившись когтями в кожаную перчатку, сидел ястреб. На маленькой хищной головке – красный клобучок, надетый на самые глаза, потому птица и напоминала праведного монаха. Ястреб не дремал, иногда он слегка приподнимал крылья, показывая свою готовность воспарить под облака, чтобы потом камнем упасть на землю и рвать мягкую горячую плоть своей жертвы.

Кони усердно топтали снежный ковер, и белые слипшиеся комья весело разлетались по сторонам из-под копыт. Князь Московский, видно обремененный излишней опекой боярина, поддал в бока жеребцу шпорами, и тот вынес его на крутой берег реки. Вдруг из-под ивы, печально склонившейся над рекой, выскочил русак. С него еще не успела слезть старая шерсть, и сейчас он выделялся на снегу серым упругим комком.

– Заяц! – совсем по-ребячьи вскричал князь Василий, и боярин поверил, что князю всего лишь шестнадцать лет. Вот даже восторг удержать не может, заорал, как посадский мальчишка: – Пускай скорее! Пускай ястреба!

Сокольник тотчас снял клобучок с головы птицы, но ястреб, видно, до конца еще не осознавший своего освобождения, медлил. А когда рука нетерпеливо дрогнула, подбрасывая его вверх, ястреб понял, что он свободен. И воспарил. Русак, зарываясь лапами в рыхлый снег, суетливо петлял по реке. Ястреб взмыл высоко, словно примеривался, по силам ли добыча, – только черная точка виднелась на светлом небе. И когда заяц уже поверил в спасение, с высоты на него упал ястреб. Птица яростно разрывала крючковатым клювом плоть, а тонкий писк жертвы еще более сердил ястреба. И когда клюв разорвал гортань, окрасив снег в алый цвет, заяц успокоился, смиренно уставившись открытым глазом в своего обидчика. Ястреб же все терзал свою жертву, проникая все глубже внутрь хищным клювом.

Великий князь попридержал коня – ястребиный пир заворожил, и только сокольник, помня о государственной службе, поддал жеребцу шпорами и вырвался вперед.

– Ну, шальной! – Он умело ухватил ястреба под крылья. – Полакомился – и будет!

Ястреб, спрятанный под клобучок, долго не мог успокоиться, торжественно и рассерженно клекотал, он еще не забыл про солоноватую кровь. Сокольник поднял со снега растерзанное тельце и упрятал его в котомку. Снежинки, падая на неровные, еще не остывшие пятна крови, сразу таяли.

Всадники проехали деревней к лесу, а там ордынская дорога прямехонько вела в Кремль.

Василий ехал не спеша, только иной раз подгонял жеребца, когда взбирался на кручи, но никто не осмелился обогнать князя. Немногочисленная дружина держалась позади.

– Боярин, ничего не слышишь? – попридержал вдруг князь поводья, и конь послушно застыл, фыркая.

Боярин привстал на стременах, прислушался, пытаясь разобрать, что же такое заинтересовало князя, но вокруг было тихо. Только ветер, как непоседа, играл бахромой попоны.

– Воронье беснуется, может, зверь какой рядом?

Князь свернул с дороги и повел жеребца полем, где у куста можжевельника горланила чернокрылая братия. Птицы кружились над чахлым кустом, именно так язычники исполняют танец вокруг огня, взывая к великой милости окаменевшего бога. Вороны то разом поднимались в воздух, то вдруг летели вниз, громко галдя, а потом, чем-то встревоженные, разлетались по сторонам. Они беспорядочно кружились, собираясь в стаю, но куст можжевельника, словно заколдованный, не хотел отпустить от себя воронье.

– Ба! – вымолвил боярин. – Видать, здесь зверь павший.

Из-под снега темными пятнами проглядывала свалявшаяся шерсть, и, только подъехав совсем близко, всадники поняли, что это лежит мертвый человек.

Воронье продолжало кружиться, недовольно каркало и совсем не желало смириться с тем, что с находкой придется расстаться. Князь Василий спешил и долго смотрел на убитого.

Шапка с отрока слетела, грудь расхристана. Молод! По всему видать – ровесники. Не бывать ему в княжеской дружине, а суждено покоиться в убогой яме.

Бояре помалкивали, молчал и князь и, насмотревшись на смерть, повелел:

– Пусть откопают и похоронят.

До Китай-города ехали молчком. Скверно было. И только когда стали появляться деревянные хоромины купцов, от сердца малость отлегло.

Боярин Плещеев, ехавший подле князя, проронил:

– А одежда-то на убиенном богатенькая! Видать, из купцовых чад. Быть может, до Москвы шел, да на татей набрел, вот они живота его и лишили.

Это могло быть правдой – в этот год разбойников под Москвой развелось много. Они выходили из леса поздней ночью и грабили купцов, остановившихся в посадах. Василий трижды за последние два месяца наказывал воеводам изловить их в лесах. Да разве за душегубами поспеешь! Рать в лес идет, а они в это время по деревням отсиживаются.

– Может быть... – только и ответил великий князь.

– Мне кажется, здесь не обошлось без колдовства, – осмелился подать голос сокольник. – Убиенный в чародейском травнике лежал. Бесы его сюда заманили! Народ рассказывает, что колдуны в полночь траву рвать идут в чистое поле. Потом из нее зелье варят.

– Какая же корысть в том зелье? – засомневался боярин.

– Как зельем колдун опоит, так всю силушку у того витязя и вытянет, а потом чертям служить заставит, – продолжал сокольник, ободренный тем, что сам князь его слушает. – А сам он, по всему, чернокнижник.

– Отроку-то лет шестнадцать будет! – возразил боярин. – Какой же из него чернокнижник?

– Вот из таких молоденьких чернокнижники и бывают, а когда седой волос пробьется, тогда настоящим колдуном станет! – горячо настаивал на своем сокольник. – У нас в селе такой жил. Черные книжки колдуны прячут и никому не показывают. А кто их увидал да прочел, тому черти служить будут. Являются ночью и работы требуют. Видать, этот отрок поначалу им легкую работу давал – скот потравить, чуму на честной народ напустить. Черти со всем этим легко справляются и еще злодейства хотят. А чего им еще дать, отрок не знал, вот они его и придушили. – Сокольник перекрестился. – Чертям-то потруднее работу давать нужно: косы из песка плести, горы рассыпать, каменья в воду обращать, – заговорил он снова, и походило, что сам он знает с бесами и каждую ночь заставляет хвостатых перетаскивать горы с одного места на другое и выжимать из глыб ручьи.

Кони вышли на дорогу и застучали копытами по мерзлой земле. Ударил колокол, и по серебряному звучанию великий князь понял, что к обедне звала звонница Успенского собора.

– Так, стало быть, думаешь, что он чернокнижник? – переспросил великий князь.

– Как есть чернокнижник, – затараторил Прошка, польщенный тем, что сам Василий обратился к нему с вопросом. – Чего ему тогда в чистое поле идти да к чародейскому травнику?

Прошка Пришелец был знатный сокольник: и ястреба обучит с руки слетать, и птицу бить; силки на зайца умеет расставить; но более всего занимали великого князя его рассказы, которых знал он без счета. И коротал Василий Васильевич времечко, слушая его нескончаемые истории.

Отец у Прошки был пришелец. Сказывали старики, что притопал он еще мальцом босым откуда-то из Ливонии. Был он дворовым у Василия Дмитриевича и потешал князя рассказами о чужой, неведомой жизни, которая казалась в городе Москве чудной и непонятной. Женился, нажил мальцов с полдюжины и умер стариком, но так навсегда и остался для всех пришельцем – не смогла принять его славянская земля. Зато для Прошки московское подворье было родной, менять которую, даже на лучшую долю, он не стал бы. Унаследовал Прохор от отца не только диковинные рассказы о заморских странах, но и обидное для русского слуха прозвище

– Пришелец. Был Прошка чист лицом, улыбочив, щедр на доброе слово, а государю приходился сверстником. И, наверное, потому великий князь выделял его среди прочих, прощая непочти-тельность, дерзость в речах, привычку вступать в степенный разговор с боярами.

Всадники подъехали к Китай-городу: запоздало заликовал набат, возвещая округе о возвращении князя в свой удел.

У кремлевской стены шел торг. Людно было в этот час. С длинных рядов торговали пивом вареным, белорыбицей свежей, вином белым, пах душисто свежеиспеченный хлеб.

Ненадолго торг замер, когда Василий Васильевич приблизился к рядам, и многие гости, впервые близко созерцая князя, приветствовали его. Приложил Василий руку к рубиновым бармам и слегка в ответ наклонил голову.

Показался великокняжеский дворец. Дворовая челядь уже спешит: стряпчие скамью государю под ноги ставят, чтобы с коня сошел; ключник кваску медового несет, чтоб с дороги господин жажду утолил. Василий Васильевич, не дожидаясь дворовых, лихо соскочил с коня и не степенно, как подобало бы великому московскому князю, а бегом взошел на Красное крыльцо.

У дверей Василия встречал митрополит Фотий. Припал князь к руке старца и почувствовал на губах сухость его кожи. Темный клобук скрыл печаль в глазах монаха, а голос у него скрипучий:

– Никак утомониться Юрий Дмитриевич не желает. Опять великого княжения московского требует. Мало, стало быть, ему Галича, а ведь слово давал!

Рано сошел в землю Василий Дмитриевич – сыну тогда только десять годков и минуло. Не успел Василий подрасти: ему бы сил поднабраться, опериться, и взлетел бы он тогда соколом, ведь и птенец без перьев не полетит.

Сына по духовному завещанию Василий Дмитриевич оставил жене – великой княгине Софье Витовтовне. Велел ей беречь чадо. Княжеская вдова оставалась на попечении отца – великого литовского князя Витовта, родных и двоюродных братьев. И только ни слова не было сказано о Юрии Дмитриевиче. Словно предчувствовал великий князь, что ляжет большая ссора между его сыном и средним братом.

Едва успел сказать тогда великий князь Московский:

– А даст Бог сыну моему великое княжение... Благословляю на стол московский сына своего, Василия Васильевича, – вздохнул печально, словно еще радел о делах земных, и отошел с миром.

На сорок первый день после того, как приняла земля в себя великого князя, митрополит Фотий послал гонца в Галич к Юрию Дмитриевичу, чтоб поклонился тот московскому князю и племяннику, а затем признал его старшим братом.

Юрий Дмитриевич не принял гонца: велел снять с него сапоги и босым выставил за ворота. Следующим просителем стал тогда сам митрополит Фотий, он появился у ворот Галича ранним утром, долго кликал стражу, а потом велел, чтоб проводили его к Юрию Дмитриевичу.

Юрий не вышел навстречу митрополиту, так и оставил его томиться в сениях, а через дворовых людей передал старцу:

– Я и при жизни Василия Дмитриевича прав его на московский престол не признавал, а после смерти брата и подавно не признаю!

Избегал даже называть племянника по имени.

Василий Васильевич прошел в светлицу. У окна в золоченой клетке радостно щебетал щегол. В углу, под образом Богородицы, тлела лампадка. На столе – подсвечник и медная братина. Здесь же лежало послание от Юрия Дмитриевича.

Мир оказался недолгим. Вновь пожелал галицкий князь московского княжения. А ведь и трех лет не прошло, как клялся митрополиту Фотию, что никогда не будет искать великого московского княжения.

Возможно, не было бы и этих трех спокойных лет, если бы не испугался Юрий небесной кары, когда отказался принять у себя митрополита. Едва отъехал Фотий от города, как в Галиче начался мор. Воротил он старца со слезами, выпрашивал на коленях у него милости. Вот тогда они и ладили: митрополит дал ему благословение, Юрий – клятву.

И тотчас пропал мор.

Василий был не силен в грамоте, но помнил слова, читанные дьяконом: «Мне по праву принадлежит великое московское княжение. Так стариной заведено было, так и отцом моим завещано – Дмитрием Ивановичем. После смерти старшего брата на московский престол должен садиться средний брат, потом младший, и уже после смерти последнего наступает черед сыновей старшего брата. Ты же, Васька, против старины идешь, а значит, сидишь на московском столе нечестно!»

Взял грамоту князь, а она как уголья: так и жгут кожу бранные слова. Василий поднес бумагу к пылающей свече. Пламя охватило исписанный лист, и от этой горячей ласки края бумаги почернели, и она неохотно занялась желтоватыми язычками. Затрещало письмо, а быть может, это Юрий Дмитриевич сердчал и поносил бранными словами племянника и Софью Витовтовну. Так и слышалась Василию злая речь дяди:

«Софья – дочь Витовта, кто она? Баба гулящая! Слюбилась с литовским боярином, вот от этого греха и родился Василий. Если разобраться, так его, как котенка, в пруду топить нужно! А он на княжение московское взобрался. Об этом еще сам Василий Дмитриевич знал, вот оттого и не любил он сына».

Только пепел остался от этих слов.

– Батюшка, боярин Иван Дмитриевич Всевожский к тебе просится, – Прошка ломал еще с порога шапку.

– Чего хочет?

– Не пожелал мне говорить, хочет с тобой повидаться.

– Зови!

Князь Василий приблизил к себе дельного сокольника, и теперь тот стал еще и посыльным.

Вошел Иван Дмитриевич Всевожский. Он был потомком смоленских князей и от лукавых пращуров унаследовал веселую хитринку в глазах, живой и бойкий ум. Иван Дмитриевич как хозяин прошелся по комнате, и тесно стало в хоромы от его ладной фигуры и зычного голоса:

– Здравствуй, Василий Васильевич! – Боярин не упал в ноги московскому князю, а только достойно склонил красивую голову. В нем жила кровь его предков, хранящих память о былой вольнице древнего города. – Чем же опечален, государь мой?

Иван Дмитриевич лукавил: знал он о послании, и печаль Василия ему была понятна.

Не были дружны между собой Василий и Юрий Дмитриевичи, словно родились от разных отцов. Как сойдутся, так будто две грозные тучи друг на друга наплывают – только молнии и сыплются. И вот эту вражду вместе с московским столом оставил Василий в наследство своему сыну.

Василий взял от отца, Дмитрия Донского, гибкий ум, Юрий перенял волю. А им бы матушкиных черт побольше – смирения и терпимости, не было бы тогда сплава прочнее, чем эти непохожие братья. Вот и сейчас не мог Юрий смирить гордыню и покориться племяннику.

Как не знать о печали князя, если Юрий боярам своим нашептывает, что не отступится от великого московского княжения. Не отдаст того, что принадлежит ему по праву! А на днях передали Ивану Дмитриевичу весть: дескать, отписал князь Юрий злое письмо племяннику и требует вернуть московский стол.

Оттого Василий Васильевич и уехал на соколиную охоту. Да разве такую тоску этими забавами уймешь?

– Неужели не слышал? – укорил Василий. – Тебе об этом первому должно быть известно. Ты же у Юрия служил. Или запамятовал?

– Не запамятовал, князь, и о печали твоей слышал, – не стал более лукавить Всевожский. Грудь его при вздохе поднялась, словно кузнечные мехи, наполненные огненным жаром. – Московское великое княжение тебе отец оставил (царствие небесное Василию Дмитриевичу), – боярин торжественно перекрестился, – и, стало быть, ты по праву на нем и стоишь! Все в твою пользу складывается, Василий Васильевич, ведь еще три года назад князь Юрий от московского стола отказался, а тебя признал старшим братом.

– Лукавил он, боярин! – в сердцах воскликнул Василий. – Чего ему тогда меня грамотой тревожить!

– Охо-хо! – Грудь боярина вновь заработала мехами. Пожалел бы он великого князя, приласкал бы медвежьей лапой, а вместо этого сказал: – Мне думается, в Орду тебе, батюшка, надо ехать, к хану Мухаммеду!

Василий с надеждой уставился на боярина. Может, что верное надумал? А Всевожский продолжал доверительно:

– Отпиши письмо Юрию, что по весне хотел бы ехать с ним в Орду. Как решит хан, так тому и быть. А мы меж тем что-нибудь придумаем. Даст Бог, так московский стол за тобой останется. Я еще с мурзами знатными переговорю. Есть у меня в друзьях татары добрые, которые в обиду не дадут.

– Чем же я тебе обязан буду, если на московском столе останусь? – спросил Василий, понимая, что неспроста печется Всевожский.

Боярин в раздумье помедлил, а потом отвечал:

– Все ты, батюшка, торопишься, сторонишься меня. Мой дом объезжаешь. Заехал бы как-нибудь, навестил меня. Хоромы мои посмотрел бы, а там и поговорим.

Великий князь пришел к Ивану Дмитриевичу после обедни, приехал во двор Всевожского без обычного сопровождения: не было ни бояр, ни челяди, только Прошка Пришелец да холоп дворовый для посылок.

Боярин Всевожский жил в Китай-городе, и хоромы его, строенные в три клетки, стояли на берегу речки Неглинной, подавляя своим размахом и великолепием тесные избенки ремесленников. Жил Иван Дмитриевич отдельно от прочих бояр, которые норовили селиться ближе к великокняжескому двору и обязательно в Кремле. Не выносил его своевольный характер зависимости от московского князя. И если Москва принадлежала великому князю, то эту часть Китай-города Иван Дмитриевич не без оснований считал своей вотчиной. Даже купцы здесь кланялись ему ниже, чем самому Василию Васильевичу, называли его ласково «благодетелем» или «батюшка наш».

Великого князя встречали хлебосольно. Сама хозяйшка – красавица Юлия – вышла с хлебом-солью. Отломил сдобный ломоть Василий, макнул его в соль, откусил малость и в дом прошел.

Терем у боярина был справный. И широкая лестница вела на красное крыльцо, откуда видны Неглинная и избенки мастеровых, разбросанные по снежному полю, словно кто-то нарочно рассыпал их нечаянно и забыл собрать. А по весне, когда солнце растопит лед и в полный рост взойдет трава-мурава, место это будет многолюдным. Девки придут сюда со всего посада, чтобы водить веселый хоровод, и голосистая песня закружит молодцам головы.

Великий князь прошел в сени. А боярин на челядь покрикивает, нагоняет страху:

– Свечи! Свечи запалите! Да чтобы все до одной горели! Я и пудовую свечу для такого гостя не пожалею!

Василий Васильевич вошел в светлицу. Стол уже был заставлен яствами: в братинах – заморское белое вино, в кубках – мед крепкий, на блюдах – мясо и капуста тушеная.

– Откушай с нами, князь, – пригласил боярин, – сделай нам милость.

Сел Василий Васильевич, а Всевожский ему у стола прислуживает: из своих рук в стаканы белое вино льет и приговаривает:

– Один ты, князь Василий Васильевич. Совсем одишешенек! Опереться тебе даже не на кого. Бояре твои на Юрия озираются. И знаешь почему?

– Почему? – простодушно спрашивал Василий.

– А потому, что за ним сила! Он и раньше, бывало, дерзил Василию Дмитриевичу, а сейчас совсем свирепым стал, как увидал, что ты ослаб.

Василий выпил вина, и оно горячо разошлось по телу, согревая его.

– Кто и был за тебя, так это князь Литовский Витовт. Так и он год назад почил! Царствие ему небесное... – Боярин перекрестился на образа. – Теперь там Свидригайло, свояк Юрия. Туго тебе придется.

В светлице у боярина жарко натоплено. Василий снял с плеч кафтан, а челядь уже спешит принять на руки драгоценную ношу.

– Разве один я, боярин? – пытался возражать Василий. – А Константин Дмитриевич? А митрополит? А челядь дворовая и холопы, что за князя живота своего не пожалеют?

Говорил так князь и не мог не чувствовать правоту слов Ивана Дмитриевича. Бояре – это не холопы, они кому хотят, тому и служить станут. Повздорили с князем и пошли другого хозяина искать, а уж тот наверняка их приветит. А кто же из бояр не желает служить сильному господину?

Иван Дмитриевич меж тем продолжал вдохновенно:

– Опора нужна тебе крепкая. Породниться тебе нужно с родом многочисленным и сильным. Таким, чтобы за тебя лучше псов дворовых постоять могли. Вот тогда хозяином ты себя и почувствуешь!

Разве много отроку нужно? Ослабел Василий от вина, а боярин в пустую чашу уже меда крепкого плещет.

– И какую же ты мне девку в суженые сватаешь?

Князь поднес чашу к губам. Рука дрогнула, и на вышитую сорочку струйкой потек мед.

– А хоть бы мою Марфу! И лицом удалась девка, и статью, а такой покорности, князь, тебе на всей Руси не сыскать! – выдохнул Всевожский, и пламя свечи отпрянуло в сторону, пуская под потолок черную копоть. – Мы, смоленские князья, всегда друг за друга стояли, а тебе надежной опорой будем. На меня только положишься, и Юрия мы облапошим, на Москве, как и прежде, великим князем останешься.

– Где же твоя дочь, боярин? Позови! Товар нужно лицом купцу показывать.

– Марфа! Поди сюда! – крикнул Иван Всевожский.

На его голос из горницы вышла стройная девушка с белым лицом, с румянцем на щеках. Закружилась голова у Василия Васильевича: не то от выпитого вина, не то от увиденного. Хотелось ему подняться навстречу такой красе, да вот ноги не держат, словно приросли, окаймленные, к полу.

– Это дочь твоя, Иван Дмитриевич? – искренне удивился Василий.

Верилось с трудом, что эта гибкая яблонька может быть дочерью такого крепкого дуба, каким был Иван Всевожский. Только глаза, зеленые и лукавые, выдавали родство.

Согнулась яблонька перед князем, словно на ветру, и поклонилась в самые ноженьки:

– Здравствуй, князь всемилостивый.

А слово-то какое приберегла – всемилостивый!

– Здравствуй, Марфа.

Не укрылось от внимательных глаз Ивана Дмитриевича смущение великого князя: видно, девка по сердцу пришлась. Оженить бы! Что еще Софья Витовтовна об этом скажет? Воспротивиться может, горда не в меру.

– А я вот тебе жениха привел, доченька, – говорил Всевожский, обнимая дочь за плечи.

Марфа стыдливо закрылась платком, только лукавые глазенки на князя поглядывают. Приосанился Василий, ему прилась по душе шутка боярина.

– Ступай, лебедушка, мне с князем поговорить надобно, – отправил Иван Дмитриевич дочь в девичью.

Василий Васильевич уже справился с хмелем, заел квашеной капустой сладкое вино и поспешил откланяться:

– Идти мне надо, Иван Дмитриевич. После потолкуем, а уговор я запомню.

– Вот и ладненько... – Боярин помог князю надеть кафтан.

– Эй, Прощка! Бес! Где ты там?! – орал из сеней Василий. – Опять девок дворовых щиплешь! Выводи коня к крыльцу!

– Сейчас, Василий Васильевич! Сейчас! Это я мигом! – Прощка Пришелец оторвался наконец от важных дел, а в темном углу слышалось хихиканье молодки.

Ночь на дворе. А стужа такая, что и дьявола заморозит. Сел Василий Васильевич на жеребца, а он не хочет идти – недовольно гривой потряхивает. Ни шагу с боярского двора! Пригрелся в конюшне, здесь ему тепло и сытно. А возможно, и он прознал про печаль великого князя, оттого и не спешит.

Они уже отъехали от боярского подворья за версту, когда Василий Васильевич придержал коня:

– Один во дворец поедешь. Мне к боярину Всеволожскому вернуться надо.

– Оставил чего, князь? – хмыкнул Прощка. – Так, может, я принесу?

Кому надо во двор к боярину Всеволожскому, так это Прощке Пришельцу: в пристройке для дворовых людей его дожидалась сенная девка.

– Не найдешь, – хмуро посмотрел на холопа князь. – И коня моего возьми, обратно я пешком дойду.

– Хорошо, батюшка, как скажешь.

Темна ночь, будто в колодец провалился князь. Постоял Василий Васильевич малость в тишине, только и слышит, как Прощка звонким голосом погоняет хозяйского жеребца:

– Но! Пошел!

Боярский дом спал. Окна черны, и огонек нигде не вспыхнет. Забрехала с перепугу собака и успокоилась. Скрипнула калитка, обернулся князь, а рядом девица стоит:

– Я знала, князь, что ты вернешься, вот потому и во двор вышла, тебя встретить. За мной иди. – Марфа взяла ласково государя за руку. – Да ты не робей. Челядь здесь не ходит, а батюшка с матушкой уже спать улеглись.

Рука девушки была горячая, и теплота от нее, сокрушая стужу, разошлась по его телу успокаивающей волной. На лестнице, ведущей в опочивальню боярина, князь неловко оступился, ударившись коленом, и легкий девичий смех был ему в утешение:

– Тихо же ты, косолапый, дворню разбудишь!

Разве можно обижаться на эти слова, даже если рожден князем. Только крепче стиснул Василий маленькую ладошку, и ночь легла прохладой на лицо.

Без скрипа отворилась дверь в девичью; в свете чадающей лампадки Василий взгляделся в зелень лукавых женских глаз и прильнул к ним губами, словно путник к крынке с холодной водой. Как железо может быть мягким в пламени, так и Марфа сделалась податливой и нежной в горячих и нетерпеливых руках князя. И случился грех.

Едва Василий задремал, а петухи уже горланят, как удалые хвастливые молодцы, извещая округу о наступлении нового дня.

– Идти тебе надо! – тронула за плечо великого князя красавица. – Спал ты крепко, аж будить было жаль. Боюсь, матушка может застать.

Ночь прошла-пролетела, а девичья тайна – останется ли она только между ними двоими?

– Ты женишься на мне? – спрашивала Марфа.

Василий Васильевич вспомнил ее нечаянный крик и лицо, искаженное болью. Плечи еще хранили теплоту ее рук, и князь отвечал искренне:

– Да, женюсь, Марфа!

Боярский терем Василий Васильевич покинул незамеченным, только раз-другой спросонок забрехала хозяйская сучка и вновь забралась в конуру на теплую подстилку.

Солнце выглянуло из-за Девичьего поля красной короной. Запалив огромные сугробы, оно поднималось все выше и скоро взобралось на маковки церквей.

Новый день наступал.

Послание великого московского князя застало Юрия Дмитриевича в Коломне. Оно пришло после проводов осени, когда святые Кузьма и Демьян, как заправские кузнецы, прочно сковали реку льдами, а в деревенских избах справляли праздник – выставляли на стол курицу, обжаренную в печи.

Юрий Дмитриевич хлебал щи, и густой навар стекал по его русой бороде. Крепок был князь – широкой костью удался в отца, а трапезничал так, что на животе блох давить было можно.

Гонец терпеливо дожидался, когда князь Галицкий закончит трапезу и опорожнит ковш с медовухой, не решался без приглашения переступить порог княжеский. А Юрий Дмитриевич звать не спешит – держит у порога.

Икнув сытно, князь наконец велел кликнуть гонца.

– С чем пожаловал?

– Грамоту я привез тебе от московского великого князя Василия Васильевича.

– От Васьки-то? – нахмурил бровь Юрий. – Тоже мне московский князь! Ему еще титьку мамкину сосать! Князь!.. А ну дай сюда грамоту, что он там понаписал?

Юрий сдернул печать и бросил ее под каблук сапога. Давил брезгливо, словно тварь какую. За чтение принялся не спеша, причмокивал толстыми губами, словно жидкую кашу хлебал. И чем дальше вникал в послание племянника Юрий Дмитриевич, тем складка на его челе становилась глубже. Прочитав, швырнул грамоту в угол.

Из-за стола поднялся невысокого росточка татарин, ухмыльнулся в серповидные усы и кривой пятерней заграбастал брошенную грамоту. Прочитав написанное, он бережно положил свиток на край стола.

– Что скажешь на это, Тегиня? – спросил князь и погрозил кулаком продолжавшему стоять в дверях гонцу. – Передай вот это своему князю, и чтобы я тебя здесь не видел, а то на дворе выпороть прикажу!

Гонец исчез, будто его и не было.

Тегиня улыбнулся причудам князя.

– Соглашаться надо, князь Юрий. Я тебе помогу. Мухаммед Тегиню слушает, как он скажет, так и будет, – успокоил князя мурза.

О тайной силе мурзы Тегини Юрий Дмитриевич был наслышан. Именно его хан посылал в дальние вотчины собирать дань, что доверялось только особо приближенным. В прошлом году взбунтовался Переяславль – укрощать непокорных отправили мурзу Тегиню. Он пользовался особым доверием хана Золотой Орды еще и потому, что приходился властителю молочным братом, и в знак высочайшего расположения тот отдал ему в жены свою младшую сестру. Мухаммед сделал Тегиню первым советником, а когда сам ненадолго покидал Орду, во главе ханства оставался маленький человечек с жестким выражением глаз. Мурзе Тегине завидовали, его ненавидели, но боялись все. А после того как Тегиня породнился с самим ханом, он поднялся еще на одну ступень, оставив позади своих завистливых недругов. Перед мурзой Тегиней трепетали в Орде даже отпрыски Чингисхана. Заискивали эмиры больших государств. Именно к нему сначала обращались князья, когда возникали споры вокруг вотчинных земель.

И вот сейчас знатный мурза находился в Коломне и сидел за столом князя Юрия.

Князь Юрий посмотрел на Тегиню с надеждой. Попробуй пойми ордынца, что у него на уме – в глазах будто бес пляшет. Уж не лукавит ли? Подношения возьмет, а дело не продвинет. Больно золото любит хитрый мурза, да баб ему порумянее подавай!

– Если поможешь, мурза, московский стол взять... золотом с головы до пят обсыплю! – серьезно пообещал Юрий Дмитриевич.

Тегиня квас пьет и будто не слышит обещаний.

– Девка у тебя в горнице прибирает, – мурза стрельнул глазами на краснощекую девицу, которая проворно прибирала со стола чаши. – Дай мне ее! Нет, не в подарок, – замахал рукой мурза. – Я заплачу. Моей женой будет.

Юрий Дмитриевич посмотрел на девку, смахивающую ладонью сор на пол, и грустно промолвил:

– Княгиня будет недовольна. Эта девка ей косу заплетает... Но так и быть! Для такого дела не жалко, забирай красавицу!

Заулыбался Тегиня – кожа на его острых скулах натянулась, того и гляди, лопнет на тонких морщинках-трещинках.

Вечером, когда солнце стало клониться к закату и его красноватые лучи с трудом пробивали темную слюду в окнах, проникали в хоромы и застывали на полу багровыми пятнами, князь Юрий принялся за грамоту. Он не назвал Василия, как бывало прежде, по имени и отчеству, обратился просто: «Князь Василий! Сообщаю, что согласен ехать с тобой весной в Золотую Орду, чтобы найти праведного суда у хана Мухаммеда. Как он решит, так тому и быть!»

Князья выехали из Москвы в Золотую Орду в мартовскую оттепель, на самое Благовещение, когда колокола заливались радостным перезвоном, приветствуя наступление ранней весны. Около изб распускались вербы, уже рушился зимний путь, а посадки утопали в непролазной распутице. Князья тешили себя надеждой, что неожиданную оттепель высушит поздний мороз и уж тогда в Орду проехать будет легче.

Оглянулся Василий Васильевич на островерхие главки соборов и махнул рукой:

– Трогай!

Повозка покатила по Ордынке. Она без конца проваливалась, вязла в липкой грязи, но под залихватские крики возницы и яростное старание лихой тройки гнедых лошадок вырывалась из цепкого плена, тряслась дальше на ухабах и вновь ухала с высоты в проталины. Дрянная дорога, куда ни повернешь. До Орды всю душу вытрясет. По заморозку да по снежку доехали бы быстро, однако нельзя – Мухаммед велел быть весной.

– На Благовещение весна зиму берет, – высказался боярин Всевожский и умолк, глубоко погрузившись в свои думы.

За оконцем всюду проталины. Погано стало на душе, хоть вой!

С Москвой расставался Василий Васильевич неохотно, помолился в домовый церкви, отвесил с дюжину поклонов у алтаря, поставил свечку Николе Угоднику, выпрашивая заступничества в делах, и вышел вон. У крыльца матушка дала пояс, вышитый крестами, тот, что бесов отгоняет и от лихоманки стережет, а еще удачу приносит. С этим богатством и отбыл великий князь в татарскую Орду.

Повозка князя Юрия Дмитриевича ехала чуть поодаль. Василий слышал, как кучер молодежато поругивал лошадей, заставляя их переходить на галоп.

Родная кровь сильнее недавней вражды: еще вчера Василий держал обиду на дядю, а увидел его опять – такого похожего на отца, – сразу улетучилась обида, так, бывает, ветер разгоняет грозовые тучи, оставляя только небесную синь. Руки у Юрия Дмитриевича такие же сильные, как у отца. Разве можно забыть эти руки, которые подкидывали его высоко над головой, и Василий видел тогда весь мир: Москву-реку, пойму, заросшую травой, и хороводы девушек, одетых в легкие белые сарафаны.

Набраться бы сил, подойти сейчас к нему и рассказать о том, что гложет, сделаться ненадолго отроком, каким был всего лишь два года назад, но время ушло далеко вперед – вылепило его великим московским князем, а значит, возвысило над всеми, и сам Юрий Дмитриевич обязан теперь снимать перед ним шапку.

Как не может речка течь в гору, так и Василий не мог спуститься со своей высоты к дяде. Только один должен быть великим московским князем – двоим на державном столе нет места.

Повозка все дальше удалялась от Москвы – увозила Василия Васильевича в Золотую Орду.

Первый раз Василий ехал в Орду и понимал, что робеет. Если другие московские князья шли в Орду, чтобы просить ярлык на княжение, то он ехал судиться с дядей. Пусть же решит хан по справедливости, кому на московском столе сидеть.

Взгрустнулось Василию ненадолго, когда он вспомнил о мученической смерти тверского князя. Хоть и не ладили Москва и Тверь, но ведь умер Михаил мученически: не на бранном поле, а у шатра золотоордынского хана.

Боярин Всевожский тихо похрапывал, как будто совсем не занимала его великокняжеская судьба: укачала старика дорога. И безмятежность спящего боярина подействовала на Василия умиротворяюще. Даст Бог, все и обойдется. Вернемся живые. И рука сама собой легла на матушкин пояс.

Но чем дальше отъезжал Василий Васильевич от Первопрестольной, тем больше забирала его грусть.

– Гей, дорогу! – покрикивал порой возница на зазевавшихся. – Не видишь, что ли, дурень! Князь Московский едет!

И крестьянин, шарахнувшись на обочину, кланялся низким поклоном.

Дорога – это не только грязь под копытами лошадей. В первую очередь это его, князя Московского, земля, которая простиралась широкими полями, дремучими лесами, полными дичи и всякого зверья. Только сейчас, по дороге в Орду, Василий Васильевич понял, как он богат.

Золотоордынская дорога знавала времена и худшие, когда с обычным ясаком увозили в полон рабынь, пополнявших невольничьи рынки Кафы. Славянки всегда считались дорогим товаром, и богатые заморские купцы не скупились – платили щедро, пополняли свои гаремы красивыми девушками.

Всевожский всю дорогу был неразговорчив: уткнет нос в соболью шубу, и думы его где-то далеко от дороги и великого князя.

– Подарки и серебро в обозе, – встряхнувшись, как воробей от снега, иной раз скажет Иван Дмитриевич. – Чего кому давать, я знаю. А ты смотри и помалкивай. А если тебя спросят, говори, что согласен. Поначалу мурз нужно задобрить, а они хорошие слова о тебе хану скажут. И только после этого к самому Мухаммеду подступать нужно. Иначе нельзя, просто так до хана не допустят. До осени можно ждать! И чем больше подарков дашь, тем дело твое вернее. А я уж постараюсь подлезть к ним. Авось и выиграем дело с Божьей милостью.

Там, где начинались степи, проходила граница Золотой Орды. Зеленая трава с трудом пробивалась через серую грязь, чтобы неделей позже распуститься красноголовыми тюльпанами. Может, это и не цветы вовсе, а кровь русских воинов, павших за свою землю, возшла алым цветом?

Сарайчик вырос неожиданно: показались зеленые крыши минаретов, огромные мраморные дворцы, и, словно приветствие, раздался громкий голос муэдзина. Повеселел князь, сбросил с себя дрему боярин Всевожский, а отряд всадников, сопровождавший великого князя, затянул голосистую песню.

К хану в этот день князей не пустили, отвели им место в гостевых хороминах и наказали ждать.

Тегиня уже праздновал победу: велел князю Юрию заказать у турецких мастеров новые великокняжеские бармы, обновить великокняжеский венец. Иван Дмитриевич тоже не унывал – щедро раздавал подарки, не жалел золота и серебра и одного за другим переманивал мурз на свою сторону. Мурзы хмелели от ласковых слов хитрого боярина, благодарили за щедрое угощение и говорили всегда одно:

– Якши! Поможем тебе, боярин. Сладко поишь, будет Василий на Москве князем.

Но то же самое мурзы обещали Юрию Дмитриевичу, и трудно было понять, чья чаша с серебром окажется тяжелее.

Иван Дмитриевич ластился к Тегине и обещал молочному брату хана золота без счета:

– Эх, мурза, правда-то на стороне Василия Васильевича, помог бы отроку, а мы твою милость вовек не позабудем. – Боярин обнимал медвежьей лапой мурзу, и худенький Тегиня просто тонул в его объятиях. – Знаю, как ты силен, знаю, что и к хану в покои вхож, замолви за мальчика словечко перед господином!

Хитрый мурза только улыбается и молча принимает из рук боярина пиалу с кумысом.

– Хочешь, хоть сейчас в шапку серебро отсыпем? А хочешь, так сразу две!

Тегиня отставил в сторону надоевший кумыс и решил попотчевать себя медовухой – потянулся рукой к кувшину, а Всевожский, угадав желание мурзы, уже наливает ему напиток в чашу. Ордынский вельможа, удобно развалившись на лавке в покоях боярина, попивал ядреную медовуху. Напиток был крепкий, так и бил в голову. Тегиня многозначительно улыбался, но обещаний не давал – не в его характере сотрясать воздух словами. А Всевожский, понимая это по-своему, неустанно поднимал цену – справедливо считая, что великое княжение стоит намного больше.

– Золотую цепь, Тегиня, получишь, а хочешь – драгоценные камни.

– Золотая цепь хорошо, только хан Мухаммед непрост!

– И я об этом же, мурза, вот потому и к тебе подошел. Так и быть, бери камень драгоценные и золотую цепь.

Тегиня прищелкивал языком, все более удивляясь щедрости боярина, но вместо ответа Всевожскому – опять полупынная улыбка. Ох и крепка же медовуха у Ивана Дмитриевича! А потом, испив и наливки, он нетвердой походкой покидал гостеприимные палаты и возвращался в свой юрт.

Всевожский, не умевший поддаваться унынию, только чертыхался вслед мурзе и без конца удивлялся его изворотливости:

– Вот же хитрая бестия! Согласие не дает и об отказе речи не заводит. Видать, князь Юрий крепко его прикупил. Но ничего, Василий, все будет хорошо, один Тегиня ничего не решает. Хоть он и молочный брат хану, но, помимо него, у Мухаммеда еще советники есть. Как мурзы твоё дело хану представят, так оно и выйдет. Ничего, я со всеми мурзами переговорю. Серебра жалеть не надо, князь! Иначе не видать тебе великого княжения. – И уже заискивающе, заглядывая в светлые очи великого князя: – А дочь моя, Марфа, как тебе? Ведь вправду хороша? Вижу, по душе пришлась. – Василий смутился и почувствовал, как ядовито растекается по лицу краска, обжигая кожу. Всевожский понимал смущение князя по-своему. – Она девка видная, всем взяла. Эх! – забавно хлестал он себя по толстым ляжкам.

Боярин Всевожский не уставал нашептывать каждому мурзе на ухо при встрече:

– Что же это такое получается? Получается так, что Тегиня всеми вами управляет. – Косматая голова покачивалась из стороны в сторону, и лукавые глаза поглядывали на озадаченных мурз. – Ещё немного, и он начнет называть себя ханом. Он мне хвастается без конца, говорит: как я хану Мухаммеду скажу, так оно и будет. Дескать, мы с ним молочные братья, и он меня всегда послушает. – Иван Дмитриевич удовлетворенно замечал, как мрачнели волосатые лица мурз; слова боярина, что зерна зрелые, падали на благодатную почву и готовы были дать первые ростки. Боярин распалялся все больше: – Насмотрелся я на него, бестию! Ходит по двору

так, будто он в Орде первый господин. Скоро от ближних мурз потребует, чтобы его почитали, как самого хана. И все против закона, шельмец, норовит повернуть. Ведь Василий Васильевич не варяг какой-нибудь на столе московском, по ханскому жалованию сидит.

Угрюмо помалкивали мурзы и сосредоточенно любовались серебром, подаренным боярином. И трудно было понять Ивану Дмитриевичу, что прячется за прищуром глаз: коварство или, быть может, сочувствие.

Однако большая часть времени проходила в ожидании, и князья могли видеть хана только издалека, когда он, в сопровождении большого числа знатных мурз, покидал дворец и уезжал на охоту.

Мурзы относились к Василию благосклонно: оказывали радушие и гостеприимство. Даже дня не проходило без того, чтобы он не побывал у какого-нибудь ордынского правителя: а здесь и соколиная забава, и долгие разговоры за столом. Но таким же гостеприимством пользовался и Юрий, и трудно было сказать, кто же выиграет этот затянувшийся спор. В одном не сомневались оба князя, что в лице заботливых мурз за ними неустанно наблюдает зоркое око хана Золотой Орды.

Через оконце в покои боярина Всевожского задувал ветер – выстуживал тепло золотоордынских вельмож. Зябко на дворе. Иван Дмитриевич растер ладони, поежился. Не прибавляют тепла его разговоры с мурзами, а печь, выложенная по-русски, так и дышала жаром. Боярин взял несколько щеп и затолкал их далеко в огненный зев.

– Слышь, княже... – Боярин посмотрел на Василия Васильевича, который за весь вечер так и не проронил ни слова. – Завтра на суд к хану едем, как он решит, так и будет. Я золото приготовил, нужно будет все до последнего отдать. Дочери в приданое я здесь цепочку золотую заказал, так и ее отдам. Ничего, потом сочтемся по-родственному.

Месяц рамазан начинался с появления молодой луны, когда серп ее можно увидеть в глубоком колодце. Луну встречали, словно невесту: били в барабаны, неустанно звучали трубы, повсюду раздавались радостные крики.

Боярин Всевожский ежился от этого шума, не мог заснуть и на чем свет стоит проклинал степной край, то и дело жаловался князю:

– Да чтоб им пусто было! Что у них за веселье такое в темень! Спрашиваю, а они говорят – пост начался. Теперь вот и не уснешь. До утра так и будут барабанить. А потом молитва начнется. Что у них за вера такая? Только ночью и едят. Думают, их басурманский бог в это время спит, вот поэтому за всеми грешниками усмотреть не может. А ты, Василий Васильевич, спи, к завтрашнему дню силы приберечь надо.

Вместе с тишиной наступило утро.

Василий Васильевич явился во дворец хана Мухаммеда вместе со всем двором: присутствие близких людей должно придать ему силы. У дворца уже томился Юрий, поджидая стольного князя. Шапку не снял, а только хмыкнул на приветствие:

– Здравствуй, племяш.

Ханский дворец больше походил на величественную мечеть, чем на покои сиятельного Мухаммеда. Снаружи – белый мрамор, а внутри – персидские ковры. Высокие ступени бесконечны, и казалось, отсюда начинается путь к Аллаху. И, глядя на это величественное сооружение, верилось, как ничтожен человек перед волей Всевышнего и его судом.

Шатровая крыша напоминала восходящее солнце, на самом верху золотого шпиля сиял месяц.

Всевожский перекрестился, привычно разыскивая глазами кресты, и, разглядев на минаретах только луну, зло сплюнул:

– Ладно, пойдем, Василий. Бог нам в помощь.

Холопы приподняли сундуки с мягкой рухлядью, золотом и серебром и поспешили за князем следом. Стража расступилась в дверях, пропуская Василия Васильевича в покои хана.

Конский волос, повязанный на концы пик, веселым хулиганом растрепался на ветру и, шалая, коснулся горячей княжеской щеки, успокаивая.

Перед величием дворца оробел и Юрий Дмитриевич, и только уверенность Тегини добавила ему силы. Князь зыркнул на бояр, которые приотстали у громадной лестницы, и зло прикрикнул:

– Ну, что стоите, как стадо овец! Хан дожидается. Сундуки с золотом пусть во дворец несут. Лапотники!

Хан восседал на большом троне, который своей высокой спинкой едва не упирался в потолок. Эмиры и мурзы стояли по обе стороны и внимательно следили за руками Мухаммеда. Его пальцы чутко реагировали на все, что происходило в зале. Мухаммед то хлопал в ладоши, когда молодой музыкант заканчивал мелодию, которой развлекал хана, играя на флейте, то его руки грозно приказывали подойти ближе или прогоняли прочь. Это были руки воина, умевшего крепко сжимать саблю и искусно управлять конем.

Мухаммед был огромного роста, и приближенные вельможи к его имени уважительно добавляли «Улу», что значит «большой». Хан Мухаммед действительно вырос на зависть. Так в тепле поднимается тесто, замешенное на дрожжах. Щедрым для хана оказалось солнце Сарайчика.

Холопы князей поставили к трону Улу-Мухаммеда щедрые дары: справа стояли сундуки молодого эмира Василия, слева – эмира Юрия. Рабы по движению пальца Мухаммеда приоткрыли кованые крышки, и свет камней ослепил стоящих рядом мурз. Вздых прошел по залу, а иные закачали головами, одобрительно зацокали языками. Посмотрел хан на добро Василия Васильевича – сундуков-то здесь побольше будет, правда, все больше серебро да меха. А у эмира Юрия – золото! И трудно было предвидеть, кто же выиграет этот спор.

– Пусть говорит эмир Юрий.

Рука хана вытянулась и остановилась на оробевшем князе. Рубин на пальце Мухаммеда заиграл красным светом, и кровавые блики побежали по его белому халату.

Юрий Дмитриевич подошел поближе, низко поклонился и долго не поднимал головы.

– Просителем я к тебе пришел, хан, – наконец заговорил он. – Спор у меня вышел с племянником моим, князем великим Василием Васильевичем, который на московском столе сидит. По старине русской и по летописям древним, на стольном городе после смерти отца старший сын его княжит, потом младшие. И после того как все отойдут, на стол садится сын старшего брата. Так было завещано отцом нашим Дмитрием Ивановичем. Да вот брат мой старший, князь Василий Дмитриевич, обошел меня в духовной грамоте и после себя на столе московском сына своего оставил. Где же справедливость, хан?

И вновь зашевелились тяжелые руки хана.

– Говори! – ткнул он пальцем в Тегиню.

Тегиня по праву молочного брата стоял рядом с тронем Мухаммеда. Всего лишь два шага, и он может взойти на престол. Тегиня вышел вперед и остановился рядом с князем. Если бы знать, о чем сейчас думает хан, но по бесстрастному лицу правителя никогда не узнаешь его мыслей. Чело мурзы собралось в глубокие складки, лысый череп от напряжения вспотел.

– Эмир Юрий всегда служил тебе честно, хан. Старый слуга всегда лучше нового. И московский стол он хочет получить по справедливости, как отец его распорядился, и по твоему разрешению, а эмир Василий княжит без твоего дозволения. Я все сказал, великий хан, – поклонился мурза и отступил на два шага назад, и тесный ряд мурз расступился, принимая молочного брата хана.

Руки Улу-Мухаммеда успокоились на коленях, он терпеливо выслушивал каждого мурзу.

Вперед вышел старик в синем халате, сквозь редкие седые волосы проступал желтый череп. Ему уже нечего было бояться на этом свете: старик пережил ненависть, любовь, зависть, все это осталось далеко позади, и кому, как не ему, возражать всемогущему Тегине.

– Эмир Юрий хоть и старый слуга, но скверный. А как хозяин поступает с псом, который посмел послушаться его? Он наказывает его палкой!

Василий посмотрел на дядю и увидел, что по его лицу пробежала судорога – незавидная доля умирать перед троном хана. И московский князь почувствовал жалость к своему немолдому дяде.

– Разве ты не помнишь, хан, что эмир Юрий задержал ясак со своих уделов на четыре года!

Только мудрая старость способна тягаться с властью и могуществом.

При упоминании о ясаке руки хана гневно вскинулись, он никогда не прощал неповиновения.

– Да, я не забыл этого. Что хочет сказать эмир Василий?

Вперед вышел боярин Всевожский, и его огромная фигура закрыла отрока Василия от ханского взгляда.

– Хан, разреши мне сказать вместо князя Василия?

– Говори.

Низко наклонилась косматая голова боярина, и седые кудри разметались по персидским коврам.

– Наш государь, великий князь Московский Василий Васильевич, ищет стола своего, а твоего улуса по ханскому жалованию и по ярлыку с твоей печатью. А князь Юрий хочет забрать московский стол по мертвой грамоте, вопреки твоему жалованию. И разве смог бы столько лет сидеть на московском столе Василий, если бы на то не было желания самого хана? – И боярин Всевожский снова низко склонился перед троном.

– Если великое княжение ты у эмира Василия отберешь, хан, – вперед вышел седой бабай поддержать Ивана Дмитриевича, – значит, ярлыки твои лживы!

Хан колебался только одно мгновение.

– Принести мне саблю, – распорядился Улу-Мухаммед.

Страж поднес хану саблю, которая лежала на бархатной зеленой подушке. Хан повертел оружие в руках, и полоска стали показалась в его огромных ладонях игрушкой.

– Подойдите ближе ко мне, эмиры, – приказал Улу-Мухаммед.

Оба князя приблизились к трону: вот сейчас решится то, ради чего они проделали путь до самого сердца Золотой Орды.

Замер и двор, ожидая решения Улу-Мухаммеда: хан должен вручить саблю одному из князей, и судьба великого московского стола будет решена. Со времен Ярослава Второго на великокняжеский престол всходили Александр Невский и Михаил Святой, Василий Первый и Иван Калита, Симеон Гордый. Кто же будет на этот раз?

Дядя и племянник стояли плечом к плечу. Вырос за этот год Василий, только не дотянул до Юрия Дмитриевича: дядя был ростом повыше и статью крепче. Однако и ему было далеко до Улу-Мухаммеда, который возвышался над всеми на целую голову.

Хан спустился на три ступени и оказался рядом с мурзами.

– Брат мой, эмир Василий, – Улу-Мухаммед проявлял великодушие, обращаясь к слуге как к равному, – тебе быть на улусе моем, в Москве, великим князем.

И руки Василия Васильевича ощутили тяжесть сабли.

– Во веки веков добра твоего не забуду, хан, – произнес великий князь Московский Василий, и губы его коснулись лезвия. Булатная сталь оказалась остра, и Василий почувствовал на губах вкус крови.

– Ты же, эмир Юрий, будешь великому эмиру Василию младшим братом, – объявил хан Юрию Дмитриевичу, – тебе же вести его коня под уздцы до самого терема. Мурзам Бешмету и Тегине я поручаю до самого крыльца проводить моего гостя.

– Спасибо за честь, брат Мухаммед, только не бесчесть моего дядю, сам я доберусь до терема, – пытался возражать Василий.

– Хан не меняет своих решений!

Раздались звуки флейты, а вместе с ними заголосил карнай, наполнив покои хана лающими звуками.

– Мудрость хана не знает границ! – восторженно отозвались мурзы.

– Пусть же славится в веках имя Мухаммеда! – льстиво кричали другие.

Весть о решении хана Золотой Орды уже выплеснула далеко за пределы дворца, и сразу забили барабаны. Громкоголосое веселье наполняло город.

Тегиня бережно ухватил Василия Васильевича под правую руку, мурза Бешмет, седовласый бабай, подошел с левой стороны, и неторопливо начали они выводить московского князя из покоев хана.

Меч, упрятанный в ножны, скользил по бедру и мешал идти, но Василий Васильевич больше не торопился, он попридержал саблю и почувствовал на пальцах ласку бархата.

У мраморной лестницы нарядного коня к нему подвел Юрий Дмитриевич. Не смотрели друг на друга племянник и дядя.

– Это подарок хана, – льстиво произнес Тегиня.

Конь был вороной масти. Тонкими ногами он нетерпеливо рыхлил песок, поджидая нового господина. Голова у жеребца горделиво поднята, словно он знал, что украшения были заказаны у лучших мастеров в Византии, а попона подарена хану бухарским эмиром.

Величаво сходил Василий Васильевич со ступеней, а плащ, отороченный горностаем, стелился по белому мрамору.

Конь закивал головой, растрепав длинную гриву, потом доверчиво, мягкими губами, потянулся к великому князю, признавая в нем нового хозяина.

Мурзы под ноги Василия Васильевича подставили руки, и князь взобрался на широкую спину коня.

Юрий Дмитриевич не скрывал печали, совсем позабыл, что стоит без шапки и кудри на бедовой голове лохматит ветер. Виданное ли дело, князю простоволосым стоять!

Боярин Всевожский, будто выпрашивая прощения у Юрия Дмитриевича, попросил:

– Князь! Юрий Дмитриевич, голову-то шоломом прикрой.

Юрий Дмитриевич надел шлем, отвернулся, стараясь спрятать от мурз и бояр княжескую скорбь.

– А теперь поехали, великий князь и брат мой старший, Василий Васильевич, – сказал Юрий пятнадцатилетнему племяннику и, взяв коня под уздцы, повел вороного красавца в сторону терема, где остановился Василий Васильевич с челядью.

Сарайчик ликовал так шумно, будто встречал самого хана. Неустанно стучали барабаны, трубили фанфары, неистовствовал и бесновался карнай. Впереди великого князя шли бирючи и громко возвещали на всю округу:

– Мусульмане! Православные, спешите увидеть! По улицам Сарайчика едет московский эмир Василий! Народ, спешите приветствовать волей Божьей, ханской милостью московского эмира Василия!

Со всех улиц к шествию сходил народ. Однако тесно великому князю не было – расступались перед ним жители Сарайчика, а конь, горделиво потряхивая густой гривой и пританцовывая, нес драгоценную ношу. Сейчас Василий Васильевич был выше всех: остался внизу дядя Юрий Дмитриевич и сопровождавшие его мурзы, и только хан Золотой Орды оставался по-прежнему недостижимым.

Впереди показалось жилище великого князя – небогатая, но крепко строенная изба. Мурзы подхватили Василия Васильевича и осторожно, как хрупкую чашу, поставили на землю.

– Эй, Прошка, бедовая твоя башка! – окликнул князь рынду. – Вели сказать, чтобы золото и серебро из котомок тащили и мягкую рухлядь, какая есть. Мурз отблагодарить надобно.

Прошка Пришелец проворно юркнул в сени и выбежал уже с котомкой в руках, следом показалась и челядь: в руках у каждого шубы бобровые, воротники лисьи, шапки горлатные.

Василий Васильевич запускал руку в открытую котомку и щедро награждал мурз.

– Спасибо за помощь, мурза Бешмет... спасибо за помощь, эмир Назым... И тебе спасибо, мурза Тегиня.

Мурзы, попрятав монеты в кафтаны, благодарно отходили в стороны, а Василий все сыпал и сыпал по сторонам серебро и золото, раздавал шубы да шапки лисьи.

А едва наступила ночь, город ожил, загорелись костры во дворах, замерцали лучины в окнах, раздались звуки дутар на улицах. В воздухе повсюду витал сладковатый запах жареного мяса.

Не остались скучать и бояре с князем – откликаясь на навязчивые уговоры мурз, они переходили из одного дома в другой, ели жареную конину и пили кумыс, а потом, устав от хлебосольства, убралась восвояси в терем.

Они еще долго не могли уснуть, а боярин Всевожский, беспокойно ворочаясь на своем ложе, говорил:

– Знаю их обычаи, не первый раз в Орде! Думаешь, чего они ночью-то едят? Место для себя в раю подыскивают. В книге их басурмановой сказано, ежели гостя в Рамазан на ужин пригласишь, тогда в раю будешь. А христианам-то сейчас самое время спать. Завтра нам рано поутру вставать. В Москву, Василий, нам ехать надобно, а там и за свадебку сядем. Вот Марфа-то обрадуется.

При упоминании о боярышне внутри у Василия сладко защемило. Эх, Марфа, эх, лебедушка!

Утром Василий Васильевич покидал Орду. По указу Улу-Мухаммеда до самой стольной вотчины его должны будут сопровождать ханские послы. В парчовом халате, вышитом жемчугом, ехал рядом с князем Тегиня. Безымянный палец правой руки его украшал огромный перстень – подарок великого князя, и когда лучи нежно касались гладкой поверхности камня, он вспыхивал ярким огнем, отблески от которого падали на темное лицо молочного брата хана.

Благая весть о возвращении князя Василия уже летела на Русь. Ликовали, трезвоня, колокола, встречая великого князя. Весна уже прочно вступила в свои права, успела подсушить непролазную грязь, а на солнечных склонах оврагов показались золотоголовые бутоны мать-и-мачехи. Повозка великого князя весело подпрыгивала на ухабах и, не желая останавливаться даже на день, быстро продвигалась на север. Только в Переяславле великий князь решил задержаться – это была уже Русь, теперь золотоордынцы находились в гостях у великого князя. Родная земля придала уверенности, даже взгляд у государя стал тверже – закалила его поездка в Орду: уехал он отроком, а возвращался великим московским князем.

Василий долго молился в церквах: благодарил Всевышнего за его милости, за то, что так все хорошо разрешилось, теперь он законный владетель московского престола. И когда из Москвы прибыли гонцы от матушки с пожеланием скорейшего возвращения, Василий приказал собираться в дорогу.

Первыми о прибытии государя на родную землю возвестили колокола Симонова монастыря. Василий Васильевич разглядел на звоннице Успенского собора долговязую фигуру звонаря, который с натугой тянул на себя многопудовый язык колокола, и грех было не остановиться и не осенить лоб крестным знаменем. Спешился государь, наблюдая за удалой работой звонаря. Двужильный, видать! А на вид так себе, худоба одна.

Ветер ласкал светлые кудри государя, и вспомнилось великому князю, что построен монастырь дедом Дмитрием Донским как оплот силы, ставшей на пути ордынской тьмы. Супротив самого Тохтамыша поднялся.

Ордынской дорогой великий князь Василий Васильевич въезжал в стольный град. У Золотых ворот встречал его митрополит в праздничной ризе и епитрахили. Сопровождаемый игуменами и боярами, он вышел с крестом и святыми иконами; народ чуть поотстал и вразнобой голосил псалмы.

Василий Васильевич сошел с коня и пешим пошел к народу. Если Христос въезжал в Иерусалим на осле, так почему бы князю не войти в Москву пешком. Митрополит протянул государю икону.

– Целуй Христа! – говорил он. – В самые стопы целуй! Не гордись, великий князь!

И Василий, низко склонясь, поцеловал кровоточащую рану.

Давно не помнила Москва такой радости – ликовали все, от мала до велика. Князь Василий прошел через толпу в город, а челядь под ноги стелила ковры, чтобы не испачкал государь бархатные сапоги о весеннюю грязь.

С особым нетерпением дожидался Василий Васильевич следующего утра. Успенский собор в эту рань был полон: бояре и духовные чины терпеливо ждали великого князя. Он пришел в сопровождении ордынских мурз. Крякнул разок Тегиня, переступая порог православного храма, но шапку скинул с головы долой, достал ханское послание и принялся громко читать. Голос мурзы, усиленный многократно сводами храма, блуждал под высокими куполами Успенского собора:

– Хан Золотой Орды, величайший из великих, покоритель больших и малых народов, несравненный Мухаммед, с позволения Всевышнего жалует брату своему эмиру Василию великое московское княжение. Пусть же он почитает своего старшего брата Мухаммеда и служит честно.

Тегиня, махнув рукой, подал знак: митрополит взял великокняжескую шапку и водрузил ее на голову Василия.

Великая княгиня долго не могла освоиться в Москве. Все здесь для нее было чужое: и язык, и вера. Удивляла странная традиция русских держать женщину в отдельных палатах и оберегать от чужого взгляда. Никто, даже самые близкие бояре, не мог увидеть ее лица. Как это было не похоже на обычаи в родной Ливонии, где заезжие рыцари поклонялись красоте. До замужества у Софьи случались романы с придворными кавалерами, и знала она, что Василий совсем не тот мужчина, о котором она мечтала в девичестве. Не было в князе той утонченной галантности, какую можно встретить во дворце отца или в соседних королевствах. Там и музыканты, и поэты, здесь – бесконечные пиры и междоусобицы.

Свою невинность Софья Витовтовна подарила придворному поэту. Он посвящал ей стихи, украшал свою одежду ее любимым цветом, и только много позже она вдруг неожиданно поняла, что это была ее настоящая любовь.

А Василий словно и не князь, а мужик с посада: может на соломе спать и шкурой укрываться. Однако волю своего отца, великого Витовта, восприняла безропотно, как судьбу. Поцеловал литовский князь дочь в лоб и сказал: «Так надо, доченька. А теперь езжай и ни в чем не печаль князя».

Василий, в отличие от придворного поэта, всегда был хмур, вечно ссорился с братьями и без усталости мог сидеть на пирах и удивлять бояр количеством выпитого вина. Несколько раз, вопреки установленным обычаям, он брал ее с собой на эти шумные застолья. Вот тогда она и обратила внимание на молодого боярина по прозвищу Кваша. Поначалу он только искоса поглядывал на молодую жену Василия, не решаясь заговорить, только много позже обнял ее в сених и зашептал на ухо ласковые словечки. И однажды, когда Василий уехал к брату в Галич, Кваша заявился в терем поздним вечером, и княгиня не могла устоять перед напором молодого боярина.

По-настоящему Софья Витовтовна освоилась в Москве только после смерти мужа. Теперь она была вдовой, и великое московское княжение принадлежало ей.

После возвращения Василия из Золотой Орды великая княгиня строго наказала сыну:
– А теперь тебе, Васенька, жениться надо.

Знакомая сладкая волна поднялась в груди князя. Вспомнилась белолицая Марфа; ее, словно китайский бархат, кожа, и Василий отвечал:

– Согласен я, матушка.

Софья Витовтовна продолжала:

– Я уже и невесту тебе подыскала, сестру князя серпуховского Василия Ярославовича.

– Матушка, – посмел возразить великой княгине Василий, – другая мне по сердцу при-
шлась. Дочь Ивана Дмитриевича, Марфа.

Крутой характер у великой княгини, глянула она на сына, и увидел Василий глаза своего деда – великого Витовта.

– Я повторять не буду! Решено все с Василием Ярославовичем. К свадьбе готовься. Не
годится, чтобы великие князья с худородными в родстве были!

– Обещал я боярину, – старался не смотреть в глаза матери великий князь и воззрился
в красный угол, где висело распятие. Вот у кого надо искать спасения. – Матушка, ведь если
бы не Иван Дмитриевич, не быть бы мне московским князем.

Молчал Бог и безучастно наблюдал за тем, как разрешится спор между его подданными.

– Ты крест целовал? – спросила вдруг Софья Витовтовна.

– Нет, не целовал, матушка, но боярин моему слову великокняжескому поверил.

– Если не целовал, так это и не клятва вовсе! Ее и нарушить можно.

С тем и ушла великая княгиня, оставив молиться сына в одиночестве.

В Крестовой палате было светло от лампадок и свечей, которые мягко тлели перед обра-
зами. На иконостасе, у ног Иисуса, свечи уже догорали, расплывшись белым восковым пятном.
Василий Васильевич перекрестился, зажег новые свечи и поставил их перед иконой.

– Прости, Господи, ежели согрешил, но как же мне пойти против воли моей матушки?
А может, это и есть твоя воля, Господи?

Снизу вверх с надеждой смотрел Василий на Бога, но уста его не произнесли ни слова.
Успокоился малость великий князь, авось как-нибудь все и образуется.

С помолвкой сына Софья Витовтовна затягивать не стала, и уже на третий день пребыва-
ния Василия в Москве дьяки на площади зачитали указ о том, что Василий Васильевич обру-
чен с дочерью серпуховского князя Владимира Андреевича и что молодые в знак верности
обменялись кольцами.

Не в характере Ивана Дмитриевича было прощать обиды – он сразу явился во дворец
великого князя. Однако боярина рынды не впустили даже в переднюю: вытолкнул плечиком
Ивана Дмитриевича здоровенный детина и обругал при этом:

– Дурья башка, сказано тебе, что не велено пускать! Великий князь в опочивальне!

– Спрятался, стало быть, от меня, злыдень! – догадался Иван Дмитриевич. – Разговора
со мной боится. Но ничего, попомнит он еще мою обиду. Будет ему еще за измену Божья кара!
Это надо же, до такого позора довести!

– Пустить боярина, – послышался из соседней палаты голос государя, и Прошка без осо-
бой радости пропустил рассерженного Ивана Дмитриевича в великокняжеские покои.

Василий Васильевич был одет по-простому: в домашнем халате, на голове скуфья бор-
довая.

– Побойся Бога, государь! Как же это так можно! – Боярин Всевожский как хищный
зверь вбежал в горницу. Полы кафтана распахнулись, на груди блеснула чешуя кольчуги. – Что
же ты делаешь-то с нами?! Почему такой позор на мою голову? Обещал же Марфу в жены
взять! Чего же я тогда в Золотой Орде ради тебя старался? И ведь клятву же ты давал, князь
Василий Васильевич!..

– Я креста не целовал, – вспомнил Василий слова великой княгини.

Отшатнулся Иван Дмитриевич от такого удара, но на ногах устоял. Крепким орешком оказался великий князь. Всеволжский долго медлил с ответом, а потом тихо произнес:

– Вот как, значит, князь, ты мне на добро отвечаешь. Не ожидал я этого. Молод ты, чтобы так хитрить, видно, Софья тебя этому научила. Под самый дых меня ударили. В Орде я нужен вам был, а здесь лишним оказался. Да если б не я, на этом месте Юрий Дмитриевич бы сидел! Но ничего, я еще отдышусь! – грозился боярин. – Обернется, Васька, тебе в горе моя печаль. Ох, попомнишь еще меня, великий князь Московский!

Пламя свечей от дыхания Ивана Дмитриевича подрагивало, будто и оно было сердито на великого князя. Запахнул Иван Дмитриевич кафтан, крепко подпоясался и достойно вышел из княжеских палат.

Иван Дмитриевич Всеволжский был первым среди бояр не только по праву дальнего родства с великими московскими князьями и не только потому, что его род корнями уходил к самому Рюрику, но еще и потому, что терем его по убранству и роскоши не уступал палатам самого великого князя. Богат был Иван Дмитриевич! Только под Москвой ему принадлежало десятка два деревушек, а людских душ он и вовсе не считал.

Дом боярина был построен на самом берегу Москвы-реки, белокаменный и высокий, он напоминал величественный струг, скользящий по гребню волн с поднятыми парусами. Помешкал немного у ворот боярин и прошел на двор.

– Эй, – окликнул Всеволжский дворового молодца, – зови ко мне потешников! Скажи им, что Иван Дмитриевич повеселиться хочет.

Скоморохи будто того и ждали – выбежали разом из потешных палат и давай боярина забавлять: рожи ему строят, на гусях играют, через голову кувыркаются. И чем звонче пели гусли, тем угрюмее становился Иван Дмитриевич. Показалось ему, что потешаются скоморохи над его горем.

– Подите прочь! – осерчал боярин. – Один хочу остаться! Не до веселья мне.

С тонким, звенящим звуком лопнула на гусях струна. Оборвался смех. Потешники ушли так же скоро, как и появились, боярская палата опустела.

Не было у Всеволжского возможности вернуться назад к Юрию Дмитриевичу. Не захочет простить тот, даже если явится с повинной головой. Горд больно! Иван Всеволжский вспомнил о том, как не хотел князь Юрий отпускать со службы умного боярина, давал ему сразу три деревни. Иван Всеволжский отказался от подарка и поступил по-своему: лучше служить великому стольнику, чем удельному князю. Не мог он предвидеть того, что судьба столкнет их лбами уже в Золотой Орде: князя и его бывшего боярина. И уж совсем он не мог предположить, что когда-нибудь захочется ему вернуться обратно в Галич. И тут Иван Всеволжский вспомнил о брате Юрия – Константине Дмитриевиче, с которым Юрий был особенно дружен. А если сначала к брату его, Константину, подластиться, он уж не выдаст, замолвит словцо.

Марфа казнила себя все эти дни. Поминала Василия недобрым словом и тайком от матушки с батюшкой привечала в девичьих палатах ворожей. Чаше всех повадилась шастать в девичьи покои баба Ксенья. Старуха больше напоминала жердину – такая же высокая и худая. Голову она всегда повязывала черным вдовьим платком, длинные концы которого едва не касались земли. Низко сгибалась она у порога боярышнинных палат и ласково приговаривала:

– А это я пришла, горюшко мое. Заждалась небось?

– Проходи, тетка Ксенья, – отвечала Марфа.

– Вот увидишь, моя радость, и денечка не пройдет, как он к тебе, окаянный, явится. Заклинания наши всю душу ему избередали. Тело его коростой покрылось, а сердце у него язвами источено.

Щедрая рука боярышни отсыпала горсть монет в хищную ладонь старухи.

– Благослови тебя Господи! Благослови, родимую, – привычно приговаривала старуха. – Вот увидишь, сердешная, как он к тебе сам на покаяние прибежит. А разлучница ваша в могилу сойдет.

Белолицая красавица бледнела еще больше, и виделся ей великий князь в венчальном уборе, а по правую руку от него разлучница стоит; кольцами они меняются, и на глазах у всего народа Василий поцелует невесту одаривает.

Боярышня не скупилась и просила о своем:

– Сделай так, чтобы разлучница ему опостылела, чтобы только я Василию была любушкой.

– Сделаю, родимая, сделаю, – уверенно обещала колдунья. – Сам он к тебе приползет гадом ползучим и, как пес бродячий, в двери твои начнет царапаться. – Старуха завязывала серебро в темную тряпицу. – Только заговор нужно будет вновь повторить. Он, сердешная ты моя, покрепче прочих наговоров будет. Эти заклинания стариной проверены. Как только ты его произнесешь, так он и явится.

Марфе хотелось так приворожить великого князя, чтобы метался он, окаянный, в тоске черной по зазнобушке своей и чтобы белый свет был ему в тягость. Чтобы не мог он без Марфы жить, как не живет дите малое без материнской груди, как рыба не живет без водицы.

– Говори, что делать должна.

Старуха упрятала монеты в котомку, еще туже затянула под подбородком платок и заговорила нараспев:

– Прежде всего ноченьки нужно дожждаться. Ночь всякому заговорному делу подмога. Зажги лучину, повернись на восток и молви: «Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается, радуется и веселится. Так меня, рабу Марфу, ждет суженый мой, великий князь Василий. Так не может он без меня ни жить, ни быть, ни пить, ни есть. Ни при частых звездах, ни при буйных ветрах, ни в день при солнышке, ни в ночь при месяце. Впивайся, тоска, въедайся, тоска, в грудь, в сердце, во весь живот рабу, великому князю Московскому Василию Васильевичу. Разрастись и разойдись по всем жилам, по всем костям ноетой и сухотой по рабе Марфе». Запомнила?

– Запомнила. «Разрастись и разойдись по всем жилам, по всем костям ноетой и сухотой по рабе Марфе».

– Так. Как повторишь те слова, так государь и одумается. А теперь пошла я, Марфа, вечер на дворе, – поклонилась колдунья в самые ножки боярышне и прочь ушла.

Весенние сумерки наступают скоро: едва солнце ушло за дол, а на дворе уже ночь. Ахнул злобно филин и умолк. Марфа зажгла лучину, обкурила комнату колдовскими травами и принялась творить заклинание:

– Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается, радуется и веселится...

Едва успела Марфа договорить заклинание, как в окошко робко постучали. Глянула девица через прозрачную слюду, а во дворе великий князь стоит. Будто и не было печали, отлегла боль от сердца. Не обманула, стало быть, колдунья, сумели чародейские слова приворожить князя.

– Ой, Господи, что же мне делать-то!

Василий постоял еще, а потом вновь нетерпеливо застучал по ставням.

Отперла дверь Марфа, а Василий Васильевич уже через порог ступил и руки загребушие тянет, обнять девку за стан норовит. Увернулась Марфа проворной белкой от государевой ласки и к образам, как под защиту, заспешила.

– Позднехонько ты явился, Василий Васильевич, я уже тебя забывать стала.

– Не мог я прийти раньше, любушка, – только и сказал в свое оправдание великий князь.

Время, проведенное в разлуке, не убавило в нем страсти, а наоборот, любовь к Марфе вспыхнула с новой силой, как, бывает, полыхает масло, пролитое в огонь. Девичьи слова вонзились в Василия каленой стрелой, так и жалят, причиняют боль.

– Жениться, стало быть, надумал?

– Не моя это вина, матушка так решила, – поспешил оправдаться великий князь. – Как же я смогу против ее воли пойти? Она ведь и проклянуть может, строга не в меру!

Каждое сказанное слово словно заноза в сердце девичье. А Василий и не чувствует, еще глубже ядовитые щепы вгоняет:

– Сначала смотрины у нас были, а потом и обручились.

– Ко мне же с чем пришел? Счастьем своим поделиться?

Хотелось Марфе надсмеяться над государем, как советовала колдунья, только так можно возвыситься над собственной бедой, но, заглянув в очи Василию, удержалась. Того и гляди, заревет великий князь медведем, а самой ей от этого еще горше сделается.

– Люба ты мне... вот я и пришел.

Закружилась девичья головка от сказанных слов.

– Вернулся, мой сокол ненаглядный. Вернулся, родимый. Как же я теперь без тебя буду? – Марфа посмотрела на иконы: – Ой, Господи, что же это я делаю! Обожди, Васенька, обожди, я только крест нательный с себя сниму.

И была ночь, и была любовь, и лучина потрескивала перед образами, охраняя сон молодых...

Свадьба князя Василия была пышной. Спозаранку трезвонили, ликуя, колокола всех церквей и соборов, а главный колокол Москвы на Благовещенской звоннице гудел басовито. Челядь великокняжеского дворца угощала всех молодцов хмельными напитками. Никто не мог пройти мимо, не отведав этого зелья: ни бродячий монах, ни крестьянин, ни боярский сын. На свадьбу великого московского князя были приглашены все: стольные бояре и дворовые люди. Каждый был сыт и пьян.

Скоморохи не уставали веселить гостей: горланили частушки и выделявали коленца. Дураки-шуты и шутихи наряжались в боярышень и водили хоровод, а карлы и карлицы забавляли гостей тем, что прыгали друг через дружку и ходили павами, подражая государыне. Весело было во дворце. Столы ломились от пива вареного и вина белого, меда хмельного и овсяной браги, дичи печеной и караваев душистых. А запах от них исходил приятный и сладкий.

Столы для черни стояли в подклетьях, а для родовитых и желанных гостей – в светлом тереме. Бояре в нарядных кафтанах восседали на скамьях, окунув густые бороды в наливки и соусы.

Молодых провели трижды вокруг стола, потом усадили на лавки. А бояре лукавые знай спрашивают:

– Княгинюшка, по сердцу ли тебе пришелся жених твой, князь Василий Васильевич?

Невеста, не смея взглянуть в лица гостей, отвечала сдержанно:

– Как батюшке, как мамаше, так и мне.

Не зря гласит молва: «С лица воды не пить!» Но княгиня была на редкость пригожа собой, приложиться бы губами к ее лицу и испить эту чистоту, как утреннюю росу с полевых цветов.

Господь создал суженую Василия Васильевича на удивление всем, хотел подивить народ красотой. Коса у великой княгини ниже пояса, нос прямой и тонкий; лоб без единой морщинки, губы сочные, как спелый заморский гранат; щеки с ярким румянцем; подбородок горделив, а маленькая ямочка на нем придавала княгине лукавство. Кажется, вот-вот Господь не сумеет довести до конца начатое творение, уж слишком сложен труд. Но нет, не дрогнула божественная рука, Создатель уверенно лепил великую княгиню: стан получился гибким, ноги длинные, грудь высокая. Не было сил отвести взор от такой красоты. Василий смотрел на княгиню, как голодный смотрит на стол, заставленный яствами.

Забылись вчерашняя ночь и обещания, будто и не было никогда горячих нашептываний Марфы. Разве можно устоять перед силой прекрасных глаз Марии: у князя закипела кровушка, а лицо разгорелось, словно солнцем припекло.

Софья Витовтовна поднесла икону молодым, благословляя.

Захмелели бояре от выпитого вина, а в дальнем конце стола кто-то пьяным голосом затянул песню.

Мария встает из-за стола. Кланяется поначалу великой княгине Софье Витовтовне, потом мужу своему, почетным гостям. Дарит братьям жениха по рубашке. Василий Юрьевич благодарит невестку и целует ее в бархатную щеку. Сладка женушка у братца! Дмитрий Юрьевич перешагнул через лавку и вышел навстречу невесте. Шаг у него легкий, но не такой, какой бывает у незрелого отрока, спешащего на гулянье, а как у дружинника, готового к долгой сече. Только девичья краса могла заставить молодца согнуться до самой земли. Поклонился Дмитрий Шемяка, разметались русые кудри, а красавица дарит ему вышитую рубаху и приговаривает:

– Чтоб носил ты ее, Дмитрий Юрьевич, с любовью. Чтобы в мороз она тебя согревала, в дождь укрывала, а летом от жары спасала. И чтобы рубаха эта сносу не знала.

Благодарно принял подарок Дмитрий и тотчас надел ее под кафтан.

Дураки-шуты забили в бубенцы, и продолжалась потеха. Вышла молодая из-за стола и поплыла лебедью по кругу, рука у нее белая, легкая, взмахнула она ею, и бояре посторонились, пропуская невесту князя. Василий Юрьевич пустился вдогонку за Марией, выделявая коленца. Гости засмотрелись на удалую пляску, а старый боярин Петр Константинович, служивший еще при Василии Дмитриевиче, указал на Василия:

– Глянь, Софья Витовтовна! Пояс-то, что на Василии Юрьевиче, наследникам московским принадлежит. Детям твоим!

– Как так? – подивилась великая княгиня.

– А вот так, пояс был дан за дочерью великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича великому московскому князю Дмитрию Ивановичу в приданое. А этот пояс подменил на свадьбе у князя тысяцкий его, Василий. Тысяцкий потом передал пояс своему сыну Микуле. А Микула затем передал пояс в приданое Ивану Всеволожскому за дочь свою. А когда Иван Всеволожский из Орды с твоим сыном вернулся, обручил свою дочку с Васькой Косым и отдал ему пояс.

И здесь Иван Всеволожский, никуда от него не денешься! Что же это за проклятье такое! А старик продолжал:

– Погулял этот поясок по рукам, да как не погулять, если он работы византийской, еще самому Дмитрию Донскому принадлежал!

Васька Косой безмятежно, гоголем прохаживался по кругу и зазывал в центр девок, а те стыдливо закрывали лица платками, и только самые отчаянные из них принимали приглашение князя.

И как не знать Софье Витовтовне, что Дмитрий Донской в своей грамоте, разделяя Московскую землю между сыновьями, не забыл поделить без обиды золотые цепи и резные шкапулки с камнями.

Пояс для князя – это что сабля для ордынца. Счастливый пояс передается от отца к старшему сыну, как хранителю доблестей рода, и потеря его считается большой бедой для всей семьи. И нужно быть совсем глупым, чтобы расстаться с поясом великого Дмитрия Донского. А пояс знатный, одних крупных рубинов на нем с дюжину. Они дразнили великую княгиню, подмигивая ей лукаво красными зрачками.

Василий Косой выбрался из круга, вытер рукавом рубахи блестящий лоб. Василий был старшим из Юрьевичей, и два Дмитрия – Красный и Шемяка, зная крутой нрав брата, старались держаться от него подальше. Не терпел Василий возражений, а обидчика запоминал

надолго. Он никогда не упускал случая, чтобы напомнить о прошлой ссоре. Братья недолюбливали его, но почитали за старшего и считались с его словом наравне с отцовским. Был Василий роста невысокого, зато широк в плечах, и коренастая его фигура, словно отлитая из чугуна, внушала уважение всем. И лицом был красен Василий Юрьевич, только вот беда – косил на правый глаз. Левое око смотрело зорко, умело пробираться собеседника до нутра, зато второй глаз будто юлил, норовил убежать в сторону. И за этот недостаток прозвали в Москве Василия Юрьевича Васькой Косым.

Софья Витовтовна подошла к Василию и, указав на пояс, спросила:

– Откуда у тебя этот пояс, Василий?

– Князь Иван Дмитриевич Всеволожский подарил, когда с дочкой своей обручал, – осветилось радостью лицо Василия.

Видать, и великой княгине поясок приглянулся. Напрасно отец гневался и на свадьбу племянника не пошел. А веселье удалось. Столы так и ломаются от угощений! Одного вина белого три бочки выставлено. Ладно, хоть сыновьям не запретил явиться.

Василий бережно поправил пояс, и короткие пальцы прикрыли рубины. Погас сразу огонек.

– Ведь поясок-то этот не тебе принадлежит, – ласково пропела Софья Витовтовна. – Этот пояс Дмитрия Донского, а стало быть, предназначен он моему сыну Василию Васильевичу, как московскому князю и прямому наследнику. – Руки великой княгини уже потянулись к поясу.

Софья Витовтовна умело справилась с застежкой, и кафтан на Василии Юрьевиче просторно повис.

Забегал беспомощно правый глаз князя, отыскивая поддержку, а в трапезной сделалось тихо: девки-шутихи уже не водили хоровод, гусельники не пели, бояре застыли с ложками у рта. Зато левый глаз смотрел по-прежнему уверенно. Он не прощал ни молчания, которое так неожиданно установилось за трапезными столами, ни разинутых ртов бояр, ни спокойного, самодовольного взгляда Софьи Витовтовны. Эх, понагнали на Русь Гедиминовичей, вот они и глумятся как хотят!

– Этот пояс подарок!

– Нет, этот пояс Дмитрия Донского, а на его свадьбе он был подменен на худший его тысяцким! Возьми, Васенька, пояс своего деда Дмитрия Донского, – обратилась великая княгиня к сыну, – и будь достоин его памяти.

Пояс перешел к новому хозяину, и Василий Васильевич растерянно улыбался, держа в руках свадебный подарок.

Девки-дурехи уже танцуют и через голову прыгают.

– Смотри, тетка, – угрозой повеяло от слов обещанного Василия. – Отольется тебе наш позор горькой слезой! Мало тебе показалось Московского княжества, так ты еще и на поясок позарилась.

Отодвинулись от Василия Косого московские бояре: встали особняком и лукавые улыбки в бороды попрытали.

– Помнишь меня еще, княгиня! Ох помнишь! – Запахнул Василий широкий охабень и пошел прочь, уводя за собой братьев.

Иван Дмитриевич отъехал от Москвы сей же час. Перекрестился на красный угол, поклонился в порог и со словами: «Дай мне Бог еще вернуться сюда... победителем!» – сел в возок.

Холоп оглянулся на Ивана Дмитриевича и спросил робко:

– Куда едем, боярин?

– В Углич езжай. Константина Дмитриевича проведать нужно.

Обида сжигала Ивана Дмитриевича Всеволожского. Нутро горело, словно от ядовитого зелья. «Опозорил великий князь слугу своего верного – в Орде нужен был, а сейчас, когда за ним московский стол остался, так и надобность отпала». Вспомнил Иван Дмитриевич старину,

над которой потешался еще в Орде. Отъехал боярин от московского князя искать себе нового хозяина. Не холоп какой-нибудь, а боярин! Кому хочу, тому и служу!

Константин Дмитриевич встретил бывшего слугу московского князя радушно. Услужливые углицкие холопы подхватили боярина под руки, помогли сойти на землю. О печали Всеволожского Константин Дмитриевич уже успел прослышать и, зная характер боярина, понял, что не успокоится он до тех пор, пока не отомстит великому московскому князю все свои обиды. Родиться бы ему удельным князем, носить бы ему бармы, а он всего лишь боярин. Не успокоится Иван Дмитриевич до тех пор, пока не расколется Русь надвое, и, как в недавнем прошлом, пойдет брат на брата.

– Слышал ли ты, Константин Дмитриевич, про обиду, что князь мне учинил? – жаловался Иван Всеволожский прямо с порога.

– Как не слышал? Знаю! На одной земле живем.

Сложись все иначе, был бы Иван Дмитриевич тестем великого князя Московского и в могуществе отпрыск смоленских князей мог бы потягаться с самим тверским князем. А сейчас Всеволожский, что сорванный ветром лист, летал над чистым полем. Видно, в боярине сидел бес, который гнал его из Москвы в Углич. Константин Дмитриевич догадывался, что искал боярин хозяина посильнее, такого, чтобы мог подняться супротив московского князя. Но не по мятежному хотению, а по старым грамотам, только за таким человеком и могут пойти бояре. Лишь один человек на Руси способен встать вровень с Василием Васильевичем – этим мужем был неугомонный князь Юрий. Выходит, дорога Ивана Дмитриевича Всеволожского лежала дальше, к Галичу. Понимал Константин Дмитриевич и то, что не мог явиться Всеволожский сразу к Юрию. Уж слишком крут галицкий князь и не прощает обид. А уж такое, чтобы за племянником своим, как холопу бессловесному, вести коня, так и подавно. А Васька Улу-Мухаммеду даже воспротивиться не посмел – обесчестил сына Дмитрия Донского до исподней рубахи.

Знал Константин Дмитриевич, что такое великокняжеская опала, потому и встретил боярина Всеволожского тепло. Когда-то брат Василий лишил его удела, и сейчас, получив из рук Василия Васильевича Углич, он дорожил городом, как последней любовью.

Из собственных рук подал князь боярину братину с белым вином. Осушил Иван Дмитриевич ее до дна, и, когда от хмельного малость закружилась голова, заговорил боярин о затаенном:

– Мне бы с братом твоим старшим встретиться, Константин Дмитриевич. Службы я у него просить хочу. – И, заглядывая в глаза Константину, пытаюсь угадать ответ, спросил: – Возьмет ли он меня к себе боярином? По старине хочу жить.

– Старину, стало быть, вспомнил. – Князь отпил вина, и оно закапало с рыжей бороды Константина Дмитриевича прямо в квашеную капусту. – Кажись, в Орде ты над ней потешался?

– Укорил, – обиделся боярин. – Я-то к тебе с добром пришел.

– А ведь не любят тебя в Москве, Иван. Всю власть к себе хочешь забрать. Бояре говорят, что и на митрополита стал покрикивать, чуть ли не великим князем себя возомнил.

– Не дело ты говоришь, князь, если бы только меня обижали, а то ведь и племянника твоего на свадьбе обесчестили! И как это взбрело в голову великой княгине пояс у Васьки Косого отобрать!

Князь Константин только хмыкнул.

– И здесь не обошлось без тебя, боярин. Хитер ты не в меру, вот твоя беда! Склоку из-за пояса ты сам и подстроил. Мне известно, что ты нашептал боярину Петру Константиновичу, будто бы пояс этот Дмитрия Донского. А ведь ты лучше всех знаешь, что это не так!

Иван Дмитриевич засопел:

– Наговариваешь, князь, обидеть меня хочешь.

– Ладно, не обижайся, Иван Дмитриевич, – улыбнулся Константин, – это я так. Против великого князя пойти я не смогу, а вот от тайной помощи не отказываюсь.

– Не пожалеешь об этом, князь. Честно я служить Юрию Дмитриевичу буду. Грамоту бы ты мне написал к нему, а уж я сумел бы растолковать, что и как.

Константин допил белое вино, потом протолкнул двумя пальцами в большой рот капусту и сказал:

– Не уговоришь ты Юрия без моей помощи, с тобой я в Галич поеду.

Быстро разошлась по городам весть о женитьбе Василия Васильевича. В церквах во здравие великого князя и княгини служили молебны, ставили свечи. Государыня разъезжала по святым местам и щедро одаривала братию милостыней. Убогие и нищие прибывали в стольный град в надежде отыскать теплый кров и сытный обед. Узкие улочки заполнили сироты, калеки, слепцы и просто бездомные, всем хотелось погреться у очага великого князя.

Дружина князя, вытесняя со двора юродивых, бранилась нещадно. Нет-нет да и полоснет плетью какого-нибудь надоедливого вдоль спины хмурый дружинник. Да так, что бродяга вззовется от боли.

– Прочь с Красного крыльца! – орет Прошка. – Сказано же, это государево место!

Нищие неохотно сползали вниз с лестницы, но только для того, чтобы подняться вновь поближе к светлице великого князя.

Василий Васильевич только однажды вышел к народу в сопровождении двух дюжих молодцев. Постоял на крыльце, созерцая плешивые головы стариков, а потом запустил руку в котомку, что висела у одного из молодцев на плече, и бросил горсть серебра на склоненные головы. Богомольцы расторопно похватили рассыпанные деньги и вновь с надеждой устремили взоры на государя. Задержалась у князя ладонь в котомке, зашуршало серебро, а потом вновь веселым дождем полетело во двор.

– Да хватит, государь, монетами сорить! Нищие – что голуби, сколько ни давай, все склюют, – советовал стоявший рядом Прошка Пришелец.

Василий Васильевич словно и не слышал его: он горсть за горстью бросал серебро, будто и вправду скармливал деньги прожорливым птицам. И когда в котомке не осталось ничего, Василий распорядился:

– Бросай и котомку!

Прошка далеко вниз швырнул сумку, и она подраненной птицей завертелась в воздухе и, едва коснувшись земли, тотчас была подхвачена каким-то расторопным нищим.

Кончилась великокняжеская милостыня, однако народу не убавлялось, наоборот, становилось все больше. Они, тесня друг друга, пробивались к самому крыльцу. Так голуби отпикивают крыльями соперника, стремясь поближе протиснуться к кормушке.

Государь скрылся неожиданно, словно его и не было вовсе. Солнце тоже, бывает, выглядывает из-за тучки, порадуется слепящим лучом и вновь спешит укрыться.

Уже неделя прошла, как сыграли свадьбу Василия и Марии. Ее ласки уже не трогали великого князя, был он сдержан. Тогда, в первую их ночь, оставшись наедине с Марией в комнате, он робко обнял ее за плечи, и княгиня покорно приняла ласку мужа и долго не хотела выпускать из своей ладони руку Василия. А когда он грубо повалил ее на кровать, Мария только невольно всхлипнула и затихла вновь. Так стала она бабой и великой княгиней.

Пировать бы государю свадебку да любиться с молодой женой, но думка о прошлой любви изъела ему душу поганым червем. К Марфе бы сейчас, в Китай-город. Вспоминалась государю шальная темная ночь, где боярыня была к нему ближе, чем рубаха на голом теле. Открыть бы кому свою тайну, да разве расскажешь? Бывает, и колодец говорит.

Великая княгиня Мария была в тереме, а Василий Васильевич уже битый час пялился на образа в Крестовой палате – молитвы не читались.

– Прошка! – наконец окликнул великий князь своего верного слугу.

Явился Прошка Пришелец, застыл у двери.

– Как там... Марфа Всеволжская?

О тайном недуге своего господина Прошка догадывался и раньше, блеснули хитрые глаза, и отвечал он, напустив грусть:

– Уехал боярин Всеволжский, а куда – неведомо. А после него уже женка с дочерью в повозках укатили. Только челядь в хороминах и осталась. Да никуда ему не деться, князь, здесь у него остались земли богатые.

– Зажги новые свечи перед образами и уходи, – наказал великий князь. – Мне помолиться надобно.

Со многих городов собрал дружину Юрий Дмитриевич. Укрепили его силой и обиженные сыновья. Не обошлось здесь и без лукавого боярина Всеволжского, который неустанно разъезжал по городам и собирал великую силу.

Однако не сразу князь Юрий допустил к себе Всеволжского и, если бы не брат Константин, повелел бы боярина затравить собаками.

С лаской и подарками явился Иван Дмитриевич к князю Юрию, хитрой гадиной по земле расстилался. Долго говорил о заповедной старине и о грамотах, что великим московским князем Дмитрием Донским оставлены. Хмуро слушал Юрий, только все больше пьянел: не то от слов, сказанных боярином, не то от зелья хмельного, выставленного на столы расторопными девками.

Иван Дмитриевич знал, чем улестить князя, какие нужно сказать ему слова:

– А как он тебя унизил, Юрий Дмитриевич, уж этого я и от Васьки не ожидал. Ты ведь сам великий князь, а не холоп дворовый, чтобы за отроком коня вести! А племяш-то твой, гордец эдакий! Спину выпрямил и на толпу с высоты поплевывает.

Хотелось возразить боярину, напомнить, что была на это воля Улу-Мухаммеда, и в Золотую Орду он пришел просителем, но рана, которая, казалось, затянулась со временем, закровоточила вновь. Обмакнул в хмельной мед русые усищи Юрий Дмитриевич и невесело согласился:

– Прав ты, боярин. Васька мне на голову наступил и этим возвысился. – И, хмуро поглядывая в строгие глаза Ивана Всеволжского, продолжал: – Никогда не думал, что после того случая из одной братины буду с тобой вино пить.

– Спасибо, князь, что не прогнал. И мне ведь горько! Он, негодник, всякого норовит обидеть: тебя, меня, дочь мою, а теперь вот сыновья твои пострадали! Вспомни же, как на свадьбе Васьки литовка эта окаянная пояс с твоего сына сняла! Перед всеми дворовыми опозорила. И сдался ей тот пояс! Да не поясок ей нужен был, Юрий Дмитриевич, а позор твой! С силой соберись, за тебя и другие города станут, и грамоты древние на твоей стороне. А за правду всегда воевать легче.

Хитрые речи боярина пробирали до самого нутра, и краска гнева разошлась по лицу князя. Он сумел бы позабыть собственную обиду, навсегда бы оставил надежды на московский стол, но оскорбления, нанесенные его сыновьям, прощать был не вправе. Им еще дальше жить!

– Что скажешь, Юрий Дмитриевич?

Глаза у князя стали темными, как осенняя ночь. Поежился боярин, словно от стылого ветра: не обратился бы княжеский гнев против него самого. Но Юрий Дмитриевич протянул ему чашу с вином и сказал:

– Племянника наказать нужно, пока он не окреп на московском столе. Тянуть не стану, послезавтра и выступлю с воинством.

Дружину Юрий Дмитриевич собрал ладную и числом многочисленную. Постояли денек у Галича, дожидаясь опоздавших, а потом, не прячась от вражьего глаза, воинство двинулось в Москву.

Дружина быстро дошла до Переяславля, а уже отсюда верст шестьдесят будет и до стольного града.

В Троицком монастыре Юрия Дмитриевича ждали посланцы московского князя. Ударили челом перед удельным князем.

– Государь наш Василий Васильевич к тебе послал. Миру он у тебя, князь, просит. Так и спрашивает: зачем же Русскую землю междоусобицами рвать? Неужто мы полюбовно договориться не сможем? Ведь обещал же ты московскому князю быть младшим братом!

Бояре с непокрытыми головами терпеливо ожидали приговора князя.

Рано в этот год поднималась трава. Едва солнышко припекло, а она уже пробуравила рыхлый снег и зеленью покрыла весь монастырский двор. Только в самых углах, где снега было поболее, он совсем не собирался сдаваться перед теплом. Однако разрушительное солнце делало свое дело – снег исходил холодными ручейками и пропитывал серую монастырскую землю. В самом центре двора дружной семейкой расцвела мать-и-мачеха, и золотые головки цветов склонились перед величием галицкого князя.

Впереди всех стоял боярин Юрий Патрикеевич. И этот гордец терпеливо дожидался с непокрытой головой крепкого слова князя. Князь Юрий смотрел на посланцев и думал: «Может, заковать их в железо да побросать в яму?» Он видел, сколь безгранична его власть, а стало быть, и великое московское княжение ему принадлежит по праву. По духовным грамотам. По старине.

– Берите свои шапки и прочь со двора! Не будет Ваське мира!

Нахлобучил на самые уши свою шапку Юрий Патрикеевич и пошел со двора прочь размашистым шагом, слыша за спиной смешки. У самых ворот боярин остановился, отыскал глазами среди дружинников галицкого князя и, облегчая душу, выругался:

– Язви тебя!.. Да чтобы у тебя скривило!..

Воинство Юрия Дмитриевича встретилось с дружиной московского князя у реки Клязьмы. Трепетали на ветру стяги, тревожно колыхались хоругви. Разве легко пойти на брата? Не грешное ли дело – саблями рубить православные полотнища? Ведь не ордынцы стоят, свои же, русские! Только и может в этом случае помочь речь матерная, тогда в ответ и руку с копьем на обидчика поднять можно. Сначала будет долго слышаться над полем непристойная брань, а потом дойдет черед и до сечи.

– Что же это у вас воевода такой пузатый? Что это он, на поле рожать вышел? А может, вас на сечу и не воевода ведет, а баба?!

Громкий смех раздался над дружиной Юрия Дмитриевича. Побагровел от злобы знатный воевода, и воздух с тонким свистом рассекла первая пущенная стрела. Не долетела она до рати князя Юрия: взрылила землю у ног коней, острым наконечником подрезав стебель распускающегося ландыша.

А в ответ раздается:

– Что же вы за бугром-то прячетесь? В поле боитесь выйти, или вам так и помирать кочкарями?

«Кочкари» – слово обидное, оно намертво прилипло к воинам города Галича, которые на поле битвы предпочитали скрываться за кочками. А сечу выигрывали числом, а не смекалкой.

Дюжина стрел полетела в ответ. Да только робкий у них полет, едва смогли перелететь неширокую Клязьму и острым жалом воткнулись в песок. По-прежнему не решаются напасть на брата.

Злоба здесь нужна. Да такая, чтобы не стыдно было и руку поднять на ближнего, кровь единоверца пролить. А для этого необходимо раззадорить себя. Воскресить в памяти старые обиды, напридумывать новые.

Слова летят колючие и похожи на укол копья. Раззадоривают друг друга дружинники, но еще не могут переступить ту черту, за которой начинается кровавая сеча. Куда проще с татарвой: здесь и злобы особой не требуется. Едва увидел бунчуки, а кровь так и бурлит.

Дружина Василия собрана наспех. Высыпали они на поле нестройным порядком, и одеты воины кто во что горазд. Лишь немногие из них в доспехах да шеломах.

Войска Юрия – все, как один, в броне, только некоторые из них, не имея возможности приобрести кольчуги, надевали на голое тело просторные червонные рубахи. Возможно, это преимущество над дружиной великого московского князя и сдерживало воинство Юрия, слишком скорым может быть суд.

Брань на поле становится все более угрожающей, того и гляди, перерастет в кровавую битву. Стрелы летят чаще и дальше. Одна из них перелетела первые ряды и впилась в плечо отрока. Охнул молодой дружинник и здоровой рукой переломил тонкое древко.

Вот что нужно было для смертной сечи – пролитая кровь. Захмелело воинство, словно напилось вдоволь браги, и пошли дружины друг на друга. Перемешались знамена, только лики святых недоуменно глядели друг на друга, словно просили прощения за грехи воинов.

Разве может князь находиться в стороне, когда рубится его дружина?

Боевой топор Юрия Дмитриевича не знал усталости – разил направо и налево, а конь уверенно шел туда, где стоял шатер Василия Васильевича. Смешалось воинство московского князя, поддавалось силе, и отступил воевода Юрий Патрикеевич, показав галицкому князю спину.

Василий Васильевич бился на другом конце поля. Сабля уже затупилась, лицо запачкалось кровью – и пойми тут, своя это или вражья.

Рядом Прошка Пришелец глотку дерет:

– Назад, государь! Побереги себя! Со всех сторон дружина Юрия!

Оглянулся великий князь – и правда! Один за другим валятся на траву верные воины, сраженные копьями, а сам он, поборов страх, озлился еще более – рвался туда, где царит смерть.

– Государь! К Твери нужно идти! – орал Прошка. – В полон попадешь!

Кольчуга на спине Прошки разодрана, шлем помят. Достал его вражий меч, и, если бы не полумаска, лежать бы ему бездыханным.

Повернул коня Василий Васильевич и, увлекая за собой остатки дружины, поспешил к Твери.

Борис Александрович, тверской князь, Василия встретил радушно. Распростер руки и обнял по-родственному. Великий князь Васька, но уже не Московский. Москва осталась за Юрием Дмитриевичем. Однако сказал не то, что думал:

– Не часто ты ко мне заезжаешь. Братину с вином моему гостю, да чтобы до краев налили!

Принесли братину и с поклоном протянули Василию. Глаза у тверского князя светлые, будто и не знает о печали.

– За помощью я к тебе, Борис Александрович, – не стал лукавить Василий. – Разбил меня мой дядя на Клязьме и отчину отобрал. Некуда мне теперь идти. Давай соберемся с дружинами и выгоним его из Москвы.

Крякнул от досады князь Борис. Отмолчаться бы, да нельзя – Василий ответа ждет. Братина в руке великого князя подрагивала, и вино быстрыми капельками падало на носок сапога.

– Знаешь ли ты, Василий, что князь Юрий ко мне заезжал, чтобы уговорить на тебя пойти?

– Знаю, что ты отказался, Борис Александрович. Спасибо тебе на этом. Вот поэтому я и здесь. – Вино побежало тонкой струйкой. Поднес братину Василий к губам, но пить не стал, решил дожидаться ответа Юрия.

– О чем угодно проси меня, Василий Васильевич, но только не об этом. Не хочу я в междоусобице быть.

– А ведь если бы я был московским князем, не отказался бы!

Борис Александрович молчал.

Василий Васильевич облизнул пересохшие губы, а потом далеко в сторону швырнул братину с вином.

Теперь путь великого князя лежал в Коломну.

Доехали туда только через неделю. Усталое воинство искало отдыха.

– Открывай ворота! – гудел Прошка. – Московский князь приехал!

Не славил великого князя многотрудные колокола, не вышли из города бояре, чтобы встретить Василия Васильевича в радости, поддержать под руки и ввести в светлицу. На стенах мрачные ратники, и голос тысяцкого зло трубил:

– Московский князь?! Дружины его не вижу, видать, всю на поле потерял. Ладно, откройте им ворота, пусть переночуют.

Отворились ворота, и Василий Васильевич въехал в город. Едва сошел с коня, как услышал злой голос тысяцкого:

– Слушайте меня, отроки! Хватайте московского князя! Да покрепче руки ему вяжите! Не Ваське мы служим, а благоверному Юрию Дмитриевичу!

Василия Васильевича опрокинули наземь, стянули руки за спиной ремнями, а тысяцкий не успокаивается:

– Крепче вяжите! Крепче!

Отшвырнуть бы их в сторону, взять меч да пройти по шеем супостатов, но сил уже нет. Все битва отобрала.

Прошка на коне волчком вертится, к себе не подпускает и сулицей колет. Попробуй подступись!

– Хватай его! Чего рты пораззявили?! Или совсем одурели?! – орал тысяцкий. – Будет вам от князя Юрия Дмитриевича!

Только на миг оглянулся Прошка Пришелец, чтобы посмотреть, крепка ли стража у Василия Васильевича, как получил удар по голове и свалился с седла. Заломали Прошке руки, только хруст пошел.

– У, басурмане! – бранился Прошка. – Христопродавцы! Ведь государя же своего обижаете! Кому служите, ироды! Одумайтесь!

– Бить в колокола! – распорядился тысяцкий. – Юрий Дмитриевич к городу подходит.

Князь Юрий с дружиной въезжал в город уже не галицким князем, а московским великим князем. Колокола радушно базили, возвещая благую весть.

Иван Всеволожский ехал подле Юрия, и разгоряченный конь то и дело норовил вырваться вперед. Боярин сдерживал его и не давал ходу, опасался быть впереди князя-победителя.

И года не прошло, как митрополит Фотий скончался, а Русь уже стонет от междоусобной войны, изнывает ее большое тело от ран, льется невинная кровушка. Митрополит был той силой, которая способна удержать кровопролитие. Боялся митрополита князь Юрий. Он был единственным человеком на Руси, перед кем сын Дмитрия Донского снимал шапку.

Коломна – второй город после Москвы. Именно сюда великий князь сажал своего старшего сына, именно с этого удела он возвращался в стольный город. Коломна на Руси славилась высокими церквями и резными хороминами, даже колокольный звон здесь был по-особому чист и высок. И сам город ухожен и горделив. Жителей Коломны не удивишь ни приходом великого князя, ни многочисленной ратью, ни кровавой сечей. Доводилось видеть городу и гнев великокняжеский, и милость великую. Единственное, чего не видели горожане, так это пленения московского князя. И Василий Васильевич, словно дикий зверь, был посажен в железную клетку.

Юрий Дмитриевич, победителем въезжая в Коломну, перекрестился. Шапку скидывать не стал (негоже московскому князю голову перед смердами обнажать) и, повернувшись к тысяцкому, спросил:

– Где Василий? Взглянуть хочу.

– Пойдем, государь. Здесь он, окаянный, у терема княжеского дожидается. Как он со товарищами явился, так мы его сразу и повязали! Теперь не уйдет, теперь он в твоей воле!

Шуршал под ногами песок, но идти было легко. Во всем Коломна была лучше прочих городов, даже грязи поменьше, а домов крепких да изукрашенных – великое множество!

Покоробило Юрия Дмитриевича от увиденного. Кольчуга на Василии драная, голова бесстыдно обнажена, на щеках запекшаяся кровь, а сам, будто злыдень какой, в клетку упрятан.

Видно, так устроен человек, что не может он не чувствовать боль сородича, даже если находится с ним в тяжелой вражде. «Горемыка этот Василий Васильевич, – подумал князь Юрий. – В беде зачат. Видно, тащить ему этот груз до самой домовины».

– Сказано же было не своевольничать! – не на шутку осерчал Юрий. – Перед вами великий князь, а не холоп бесправный! Зачем его в клетку железную заперли, как медведя свирепого?! Снять с Василия Васильевича железо! – И уже тише, в самое ухо тысяцкому: – Держать князя в монастыре и стражу крепкую приставить. Никого к нему не пускать! Бояре и дружина Василия пускай идут по домам. Вся Русь должна знать, что Юрий Дмитриевич крови понапрасну не льет!

Шестьдесят верст отделяют Коломну от Москвы. Этот небольшой путь можно одолеть за сутки, однако Юрий Дмитриевич не торопился. Пугала его Москва. Теперь он ехал в стольную не гостем, а хозяином земли Русской. Был бы он помоложе, город стал бы для него наградой. А так сколько ему править? Как еще москвиты его встретят? Привыкли они к Василию, знают его с малолетства. И отец его, и дед были великими московскими князьями. Юрий успокаивал себя тем, что за ним старина. «А придет время – и Василий на московский стол сядет». Не удержать сейчас отроку такой земли, Москва ведь характер имеет!

Иван Всевожский не умолкал всю дорогу, торжествовал:

– Свершилось Божье правосудие! Так ему и надо, Ваське. Ишь чего захотел! Московское княжение ему подавай. Ежели всякий начнет старину попирать, тогда вообще порядка лишимся.

Хотелось напомнить Юрию про Орду. Да смолчал. Обидится боярин, пусть разглагольствует. А Иван Всевожский все более распалялся.

– Ты, князь Юрий Дмитриевич, спуску Ваське не давай, – только так называл боярин некогда московского князя. – Запри в монастыре, и пусть там сгниет! Сначала он над тобой надсмехался, значит, и ты волен так поступать. А если молвы боишься, так плюнь, поговорят малость, а потом утихнут. Эх, как он надо мной распотешился! Не будет ему счастья.

Дорога в Москву Юрию Дмитриевичу была знакома. Помнил он здесь каждый поворот, каждый камень. Частым гостем приходилось бывать в стольном граде, только впервые въезжал в Москву хозяином. Уже и посадки показались, а Юрию беспокойно.

– Передохнем здесь! – остановил князь аргамака, и вместе с ним замерла вся дружина.

Из деревушки, раскинувшейся по обе стороны дороги, навстречу воинам выбежали ребята-тишки: выпрашивали у ратников поломанные стрелы, просили поддержать тяжелые рогатины. Крестьяне домовито занимались хозяйством: правили плетни, строгаи бревна на срубы, а в дальнем конце деревни неутомимым дятлом стучал топор.

Остановившееся войско было не в диковинку. Часто князья на этом поле останавливались на отдых и отправляли гонца в город, чтобы он наказал боярам встречать князя с почестями. Вот и эта дружина тоже стоит: дожидается хлеба с солью да колокольного звона.

Постояли еще у леса. Помолчали. И дружина не торопится в Москву.

– Как будто ты и не рад великому московскому княжению, Юрий Дмитриевич, – обронил Иван Всеволожский хмуро.

– Не понять тебе всего, боярин, – был ответ. – Василий племянник мне.

– А может, ты трезвона дожидаясь с Благовещенского собора, князь? Так не будет его! Не привыкли к тебе москвиты, их сначала покорить нужно, а уже потом признания ждать. Васке они многим обязаны, вот его встретили бы! И еще я тебе скажу, Юрий Дмитриевич, хорошо, если ворота откроют, а то штурмом город брать придется.

– Поехали! С Богом!

Ворота в Москву оказались открытыми. В карауле два безбородых отрока застыли с бердышами на плечах. Не смутили их великокняжеские бармы Юрия Дмитриевича.

– Кто таков?!

Потянулся Иван Дмитриевич за кевцом, чтобы рубануть строптивцев по самой макушке заостренным концом, но великий князь отстранил занесенную руку. Негоже первый день со смертоубийства начинать.

– Я, Юрий Дмитриевич, князь великий, а это холопы мои. В вотчину свою еду, в Москву!

– Вам бы поклониться Юрию Дмитриевичу, а вы глотку дерете, – поучал молодцов боярин.

Караульные расступились и впустили великого князя с воинством в стольный город.

Чужака Москва встретила враждебно – третьи сутки Юрий Дмитриевич княжит, а бояре к нему идти не спешат. Заперлись в своих хороминах и нос во дворец не кажут. Можно было призвать на службу галицких и дмитровских бояр, однако лапотники! Куда им со стольными тягаться! Москвиты породовитее и познатнее будут, а серебра накопили столько, сколько у великого князя не найдется. Служба силком не делается, нужно выждать немного – пускай бояре попривыкнут к новому хозяину, а потом сами ко двору заявятся. Да еще бобровые шапки перед его милостью поснимают. Без князя им никак, даже собака в добром хозяине нуждается.

А перед самой вечерней, когда слуги уже запалили в палатах свечи, неожиданно к великому князю пожаловала Софья Витовтовна.

Расступилась проворно дворня перед великой княгиней, а престарелый юродивый, давнишний обитатель великокняжеского двора, увязался за Софьей.

– Здесь он, матушка, здесь! От тебя все прячется. И страже велел тебя не пускать, да разве они могут великую княгиню послушаться? Мы его, ирода, всюду сыщем! Никуда он от нас не спрячется!

Софья Витовтовна прошла в покои великого князя. Здесь все было так же, как и при ее сыне. Вдоль стен выставлены могучие сундуки, у окон стоят лавки, и только под иконами один стул – для самого князя.

– Что же ты сестру свою не приветишь? Навстречу ей не выйдешь? – беззлобно укоряла Софья Витовтовна князя Юрия. – А я помню, было время, когда ты меня перед Красным крыльцом встречал и низко в ножки кланялся.

Князь Юрий даже не поднялся со стула, отвечал:

– Что было, то прошло, княгиня. Только все мое уважение к тебе обида за сыновей вытеснила. Теперь на Москве я хозяин. Сын твой монастырь в Коломне выбрал, постриженья ждет. Видно, участь у него такая, доживать свой век монахом. А ты, княгиня, не серчай, глядишь, игуменом станет.

– Вот, стало быть, как ты мне за мое добро платишь. Муж мой, Василий Дмитриевич, зол был на тебя очень. Воинами на поле брани хотел тебя, как зайца, затравить, да я ему все время поперек дороги становилась. Помнила всегда, что ты свояк братича моего, Свидригайла.

При упоминании о Свидригайле Юрий Дмитриевич слегка нахмурился. Оба князя были женаты на дочерях смоленского воеводы Ивана Святославича. Свояка Юрий любил. Месяца

не проходило без того, чтобы он не навестил его. Выработалась в князе потребность во время крепкого питья изливать свояку душу. Свидригайло умеет слушать и советы добрые дает.

Однако князь отвечал зло:

– Знакома мне уже твоя доброта! Опозорила моих сыновей на Васькиной свадьбе! Вся Москва хохотом изошла!

– Видно, придется отписать брату Свидригайле, как его свояк великую московскую княгиню хулит.

Говорила с досадой великая княгиня – знала, не дойдут ее слова до сердца Юрия Дмитриевича. Был бы жив Витовт, не дал бы внука в обиду, сумел бы его позор смыть. Свидригайло и сам всегда против старшего брата шел, вот этим он и напоминает Юрия Дмитриевича. Однако великая княгиня не могла не знать, что упоминание о Свидригайле – единственная тропинка в душе Юрия, которая способна привести ее к цели. Знала княгиня Софья и о том, что почитал Юрий своего побратима больше собственных братьев.

Поежился князь Юрий. Великая княгиня уходить не хочет, по-прежнему стоит у порога.

– Проходи, Софья, что у дверей жмешься? Какие же мы с тобой враги? Нам делить нечего. У тебя свой есть удел, у меня свой. Я на чужое не зарюсь.

– Мой удел – это вотчина мужа моего, только он и смог бы его отнять. Но зачем ты Василия удела лишил? Хорошую же ты ему участь предрешил – монахом быть. – Софья прошла в палату. – Вот что я тебе скажу. Не пойдут служить к тебе московские бояре до тех пор, пока Васе город не дашь. Так и просидишь в этих хороминах один как сыч?

Понимал Юрий, горячилась Софья Витовтовна, но правда в ее словах была. На Руси уж так повелось, что старший сын после смерти отца забирает главный город. Василий унаследовал Москву, которая уже три дня находилась во власти галицкого князя. А Василий Васильевич оставался без удела. А ежели действительно дать ему город, может, и бояре к нему лицом повернутся. Хоть князь и сам себе голова, но без доброго совета жить непросто.

Княгиня присела на лавку. И Юрий Дмитриевич увидел, что она очень напоминает своего брата Свидригайла: тот же прямой и тонкий нос, подвижные чуткие ноздри, какие бывают только у резвых и породистых лошадок. Лицо, слегка подернутое сеточкой морщин, оставалось по-прежнему красивым и моложавым. Подбородок – волевой, сильный, только глаза по-женски мягкие. Именно их тепло и расплывило тот лед, который морозил душу князя.

– Хорошо... – наконец согласился великий князь. – Дам я Василию Переяславль!

Софье поблагодарить бы великого князя, большой поклон отвесить, но кровь своевольного Витовта забурлила. Вскинула княгиня красивую голову и отвечала:

– Переяславлем решил моего сына задобрить? Удел моего сына – Москва!

Софья Витовтовна ушла, не взглянув более на великого московского князя Юрия Дмитриевича.

В самом углу горницы в огромной клетке сидел филин. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Филин аукнул, потоптался на месте и потом затих. Время-то вечернее, вот и не спится старому разбойнику. Скучает он по вольному простору. Даже сытная еда не может заменить сладость долгого полета. Этого филина Юрий Дмитриевич прошлым летом отбил у лисы, когда гостил у свояка. Крыло у птицы было повреждено, и летать она не могла. Кто знает, может быть, тогда филин принял неволю благодарно, ведь его ожидала защита и сытная пища. Филин не противился, когда князь посадил его на руку. Даже через кожаную перчатку он чувствовал его крепкую хватку.

Свидригайло предупредил князя Юрия:

«Будь осторожен, князь, филин – это исчадь ада».

«Почему?»

«Разве добрая птица будет промышлять ночью? А эта от солнечного света скрывается. Посмотри на сокола, – показал он в небо. – Солнце едва взошло, а он уже в полете. Филин

ночная птица, потому что со злыми силами знается. Это и по нашей вере и по вашей – все едино!»

Может быть, и следовало выслушать свояка – тот зла не пожелает, но верх одержало сложное чувство: жалость к птице и еще желание испытать собственную судьбу. Филин Юрий провез через всю Русь до самого Галича и вот сейчас вспомнил о предостережении Свидригайла.

Юрий Дмитриевич подошел к клетке, распахнул ее. Птица недоверчиво взглянула на хозяина, слегка наклонив крупную хищную голову. Перья на затылке чуть приподнялись, видно, осерчал старый филин. Разве может скоро поверить в свободу птица, так долго прожившая в неволе?

– Ступай! – поторопил Юрий Дмитриевич филина.

Строгий голос Юрия, а может, близкая свобода, жажда полета, которая никогда не умирала в филине, заставили птицу сделать первый шаг к своему освобождению. Этот шаг был неуверенный, как первый полет.

– Ты свободен.

Так тюремщик говорит прощенному узнику. А тот все еще не верит в желанное освобождение, не смеет подойти к распахнутой настежь двери.

Юрий взял в руки птицу. Она не сопротивлялась – успела привыкнуть к этому хозяйскому и одновременно бережному обращению. Умные глаза филина смотрели в самое лицо князя. Потом Юрий распахнул окно и подбросил птицу вверх: не подвело крыло, пошло впрок скормленное мясо. Птица взмахнула крыльями и могуче воспарила над теремом, перелетела колокольню.

Даже крика прощального не услышал князь: в полете птицы усмотрел радость.

А может, зря отпустил филина? Кто знает, возможно, эта ночная птица была его талисманом? Помощь темных сил сейчас ой как нужна!

Прав боярин Всеволожский, когда говорил, что нужно запереть навечно Ваську в монастыре; права Софья, когда говорила, что не может ее сын остаться без удела. Была и третья правда – подсыпать в питье зелья, никто и не узнает, как сгинул московский князь.

Велик город, а довериться некому.

– Ты спишь, князь? – Дверь чуть приоткрылась.

Вошел Семен Морозов, любимый боярин князя, который выделялся среди других кротким и рассудительным нравом. Именно он служил кладезем всех его личных тайн. Ему Юрий Дмитриевич и доверил свою печаль.

Галицкого князя и боярина связывала давняя дружба: вместе они на соколиной охоте, вместе и на поле брани. Даже в Москве Юрий держал Морозова подле себя, выделив в великокняжеских хоромов палаты. Семен Морозов родом был из тверских князей и перед московскими шапку снимать не обучен. Потому московские бояре не любили его и ревностно наблюдали за дружбой великого князя и боярина. Наиболее ретивые не упускали случая очернить Морозова в глазах великого князя. И только Юрий Дмитриевич знал, что вряд ли найдется в государстве более преданный ему человек, чем этот боярин с угрюмым лицом. Да и боярином-то он стал не так давно – по прихоти самого Юрия Дмитриевича, – а так помирять бы ему в безвестности.

Боярин от порога перекрестился на образа, прошел в палаты.

– Помнишь, Юрий Дмитриевич, как ты меня с басурманова плена выкупил? – спросил вдруг Морозов.

Давно это было, пятнадцать лет уже минуло. Мурза золотоордынский на Тверскую землю пришел и много людей в полон взял. И надо же было тому случиться, что окольный Морозов в окраине вепря травил. Недолгим был бой, полегли все отроки мучениками в чистом поле. Видно, судьба была такая у Семена – уцелел! А может, по богатой одежде угадали татары в нем

знатного воеводу. Стянули ему веревкой за спиной руки и бросили в арбу на солому. Отъехала от родной вотчины скрипучая арба, пересекла границу Руси и направилась напрямик в Кафу.

Через два месяца узнал Юрий Дмитриевич о судьбе Семена Морозова, молился о спасении его души в домовоей церкви. А скоро запросили за него татары такой откуп, какой за князя не всегда просят.

Выплатил Юрий Дмитриевич выкуп, все до последней копейки выложил.

Из плена Семен вернулся через год: исхудал, осунулся, а борода, как и прежде, торчит строптиво. С этих пор князь Юрий больше с боярином не расставался.

– Разве возможно забыть? – выдохнул Юрий Дмитриевич.

– Так вот что я хочу сказать тебе, князь. Когда я в басурманном плену был, тяжело мне приходилось. Но, кроме жизни, ордынцы ничего отнять у меня не могли.

– К чему ты это, Семен?

– А вот к чему. Сейчас тебе, князь, вдвойне тяжело. Ты власть получил, какой у тебя не было, и распорядиться ею правильно не можешь, потому что находишься в плену гордыни.

– Что же ты мне посоветуешь, боярин? – с надеждой посмотрел он на Семена.

– Когда к тебе шел, встретил на дворе великую княгиню Софью, – не спеша начал Морозов. – В печали она, горько ей. Когда власти много, можно обидеть ненароком ближнего, как бы потом самому об этом не пожалеть.

– Вот ты сказал, горько великой княгине. Думаешь, мне не горько? Разве легко рогатину на родича поднять? Ведь и моя тоже кровь в Ваське течет!

– По-христиански нужно делать, так, чтобы совесть у самого была чиста. Ты у Василия удел забрал, ты ему удел и верни!

– Какой же ты ему удел дать посоветуешь?

– Тот самый, какой дал бы своему старшему сыну, Коломну! Тогда и московские бояре тебя поймут.

Василий Васильевич уже неделю томился в келье. Только и дел у него сейчас, что хлебать овсяный суп и молиться. А клал поклоны он рьяно, и свет через узкую бойницу ложился на его сгорбленные плечи. Наказывал его Бог, стало быть, есть за что. «Марфу обидел!» И князь старательно наложил на грудь размашистый крест, согнулся; лоб почувствовал прохладу камня.

Посмотрел Василий в окошко – в небе бездонной рекой разлилась синева. Ласковый желтый луч заплутавшимся путником проник в монашескую келью. Хорошо сейчас во дворе. Тепло. Видать, трава кругом.

Князь поднялся, тронул рукой дверь, и она закрипела, выдавая тайные помыслы узника. Вместо привычного стража в проеме показался саженного роста монах в схиме и пробасил густо:

– Не велено пускать, князь. Погодь ешо. Не приспело твое время.

Хотел было Василий осерчать на монаха, уже рука поднялась для расправы, но гнев испарился под суровым взглядом чернеца, и сил хватило лишь на то, чтобы кротко коснуться двумя пальцами выпуклого лба.

– Ступай!

Монах притворил за собой дверь.

Убого в келье. Вместо кровати – скамья, вместо подстилки – пук соломы, стола нет вообще. Это не московский дворец, где одних палат в Теремной, почитай, с дюжину насчитаешь! Да чего уж там вспоминать. А одежда? Вместо княжеского бордового плаща – монашеское рубище. Сумел позаботиться дядя о племяннике! Да и рубище-то, ношенное каким-нибудь святым затворником: на локтях протерто, а клобук монашеский изрядно порван.

Не собирался Василий смириться: и князем толком не побывал, а уже в монахи подался. Не для этого у Мухаммеда великое княжение выпрашивал, чтобы под схимой состариться. «Вот ежели в Москву бежать, – серьезно рассуждал Василий, – там уже бояре не выдадут, все,

как один, за великим князем пойдут». Помнят бояре еще его батюшку, он их в боярство и вывел.

За дверью, словно подслушав тайные мысли князя, густо раскашлялся монах. «Не уйти отсюда, – думал князь, – и версты не пробежишь, как схватят! А ежели подкупить: обещать серебро, золото, может, позарится чернец?»

Василий Васильевич приоткрыл дверь и окликнул монаха:

– Чернец, крест с моей груди возьми в подарок. – Снял князь тяжелую золотую цепь с шеи и протянул ее монаху.

Видно, бес попутал схимника, потянулась его рука к сверкающим камням и тут же отдернулась, как от огня. Сумел победить монах искушающего его беса.

– Не могу, князь, – совладал с собой схимник. – Мой крестик хоть и поплоче, и на нити держится, но менять его даже на золото не стану. Матушка мне его дала перед тем, как душу свою Господу отдала. Дорог крестик мне. Видно, ты меня о чем-то попросить хочешь. Если это в моей власти, тогда выполняю.

– Как тебя звать, чернец?

– В послушниках нарекли Зиновий, «богоугодно живущий», значит.

– Отец Зиновий, помоги из монастыря выбраться, дам тебе все, что ты пожелаешь. Хочешь, помогу игуменом монастыря стать?

Усмехнулся чернец:

– Ничего мне не надо. Если я милость великую от себя отринул, княжеский крест не взял, так зачем мне еще что-то? Да и не могу я! Клятву на верность Юрию Дмитриевичу давал. А теперь ступай к себе в келью, Василий Васильевич, и не тревожь меня более.

Третья неделя пошла, как Василий в заточении. Весна хорошела красной девкой и врывалась в темную келью Василия Васильевича криками жаворонков, волновала его младое сердечко. С женой еще вдоволь не налюбился, детишек не нарожал, а уже в монахи идти.

Василий Васильевич не слышал, как на монастырский двор въехал отряд всадников. Впереди, облаченный в золотую броню, ехал Семен Морозов. Боярин спрыгнул на землю, звякнув шпорами.

– Игумен, почему гостей не привечаешь? – басовито укорил боярин вышедшего на крыльцо старика. – Или слуги князя Юрия у тебя не в чести?

– В чести, боярин, в чести, – засуетился игумен, – только за усердием своим и молитвами прихода твоего не расслышал. Эй, братия, готовьте стол, боярин великого князя к нам в обитель пожаловал! Может, с дороги ноги желаешь вымыть?

– Нет! Веди к Василию.

Василия, как опасного преступника, прятали в подвале, от глухоты его отделяло небольшое узенькое оконце у самого потолка. Зябко сделалось Семену Морозову. Стены такой толщины, что и сам узником себя почувствовал.

Увидел Семен Морозов князя великого, и боль сжала сердце. Исхудал Василий Васильевич за две недели: длинные руки плетью висят, а юношеская жиденькая бородка топорщится неприкаянно. Едва удержался боярин от того, чтобы не прижать к груди отрока. Сдержанно поклонился в ноги его милости, известил о воле князя Юрия Дмитриевича:

– Свободен ты отныне, великий князь. Юрий Дмитриевич, как наследника своего старшего, городом Коломной тебя жалует. Поезжай в удел свой.

Стянул со лба клубок Василий Васильевич и утер им лицо. Недавняя обида прорвалась, вот он и спрятал ее под монашеское одеяние. Волос у великого князя густой, цвета спелого льна, и кудри мелкими колечками сбегали на голую шею. Но никто не посмел осудить Василия за непокрытую голову, то, что не прощается великому князю, дозволено монаху.

– Стало быть, Коломну дает? – Василий Васильевич наконец осмелился показать лицо.

– Жалует, батюшка, жалует. Хоть сейчас можешь в Коломну отбывать, – отвечал Семен Морозов и разглядел почти на ребячем лице князя счастье. – Не серчай за былой грех на Юрия Дмитриевича.

Снял с себя рубище великий князь, а под монашеским убогим одеянием прятался великокняжеский кафтан, шитый золотом. Не был никогда монахом Василий Васильевич, не угасла в нем кровь Рюриковичей.

Дверь кельи распахнута, а в проеме тот самый детина-монах жметсЯ.

– Дорогу! – переступил порог Василий Васильевич. – Прочь поди!

И разве можно воспротивиться этому приказу. Отошел детина-схимник в сторону и сгинул в темноте.

Монастырский двор встретил Василия светом, ослеп на миг великий князь, а потом глаза возрадовались вновь. Небо было бездонно синим, что очи суженой. Трава успела подняться повсюду, грязь пообсохла, взялась паутиной трещин.

Монахи вышли из своих келий. И невозможно было понять по этим взорам – прощание или приветствие выражали они прощенному узнику. Суровы лица старцев, и великая скорбь лежала на них.

– Молитесь за нас всех! – наказал великий князь и, оборотясь к игумену, спросил: – Где мой Прохор Иванович? – И пригрозил: – Не поеду без него со двора!

Привели Прошку. Отощал, стервец, на монашеском хлебосольстве. Видно, один квас и хлебал. Но ничего, зато святости поднабрался.

– Пусть коня мне поддержат! Князь я великий или нет! – строго напомнил Василий.

Сорвался с места Прошка Пришелец, чтобы пособить великому князю, да суров взгляд у Василия – вернул его назад.

Бояре и монахи кучно стояли у ворот, не смея двинуться. Да и не князь он для них, а так... пленник бывший. Кто знает, как далее получится, может, предстоит ему еще вернуться и схиму принять.

Василий Васильевич терпеливо ждал. Отделился от толпы боярин Семен Морозов и проворно ухватил под уздцы жеребца.

– Скамейку пусть принесут! Не пристало коломенскому князю, как простому отроку, на коня прыгать.

Монахи меж собой переглянулись, а игумен уже скамью тащит. Подставил ее под ноги Василию Васильевичу и отступил смиренно.

– Удобно ли тебе, князь? – спросил старик.

Василий Васильевич ступил на скамью и сел на коня. Кажись, и все, теперь и в удел свой можно отбывать. На богомолье надо будет сюда приехать, братию покормить и еще раз глянуть на то место, что когда-то было его тюрьмой.

– Ворота шире отворяй! Тесно мне здесь!

Не ждал в этот час гостей Юрий Дмитриевич. Время вечернее, а тут еще и Мартын-лисонгон. Князь страсть какой охотник, особенно до лисицы. А как сказывают старики, лисы в этот день роятся между пней и бегут на людей. Нападает в Мартыново время на лис курячья слепота, и бери их тогда хоть руками. В этот день меняют они свои старые норы на новые.

Но заявился боярин Иван Всевожский с сыновьями, и стало ясно старому князю: не бывать охоте. И пожалел Юрий Дмитриевич, что не поднялся он с рассветом, гонял бы сейчас по лесу рыжих бестий, наверняка вернулся бы не с пустой котомкой.

Иван Всевожский брякнул чем-то в сенях и прошел в хоромы князя.

– Что же ты делаешь, князь? Почему Ваське удел дал? Коломна всегда за старшим сыном остается. Вспомни, когда-то Коломну Дмитрий Донской Василию Дмитриевичу передал! Это что же получается? Приберет тебя Господи (отдали этот день, Иисусе!), – крестил грешный лоб боярин, – так Васька опять на великое княжение московское вернется!

В сенях кто-то запнулся о высокий порог, чертыхнулся громко, проклиная преисподнюю и всех чертей заразы, и в горнице показалась кудлатая голова Василия Косого, следом ступал Дмитрий Шемяка.

– Отец, за что так детей своих обижаешь? Чем мы тебя прогневали, что ты нас хочешь безудельными оставить? – подал голос Василий Косой.

Потолок во дворце у князя крепко слеппен, да низок больно – того и гляди, придавит к самому полу. И Юрий почувствовал на плечах многопудовую тяжесть. Старость, видно, берет. Раньше и взгляда было довольно, чтобы одернуть непослушных отпрысков, а сейчас даже голос напрягать приходится.

– Я в Золотой Орде за старину стоял и здесь не отступлюсь! После смерти моей на престол московский сядет коломенский князь Василий!

– Да что ты, Юрий Дмитриевич, нам все про старину талдычишь! – укорил князя Иван Всевожский. – Видали мы ее! Только не нужна она нам теперь и детям твоим не нужна! По-новому править надобно. Посади на коломенский стол старшего своего сына!

Защемило в груди у князя, прикрыл он веки, собираясь с ответом. А сам ждет, когда уляжется загрудная боль, которая все настойчивее бередила его дряхлеющее тело. Видно, хворь привязалась к князю давно и давала о себе знать тогда, когда кровь быстрее бежала по жилам.

– Василий Васильевич займет московский стол после моей смерти, не нарушу я заповедной старины.

Приутихли сыновья, зная неуступчивый и крутой характер отца. Он ведь не посмотрит, что они уже выбрались из-под отцовской опеки – достанет кнутовищем по спинам.

– Дать Ваське Коломну князю боярин Семен Морозов насоветовал, – подковырнул Юрия Дмитриевича Всевожский. – Отец ваш будто бессловесный отрок, как боярин ему нашепчет, так он и поступает. А только мы для чего? Советники твои? Я же не против твоих сыновей иду! Когда Василий Васильевич на Москву вернется, он тогда нам все свои обиды вспомнит. Почему меня выслушать не хочешь – если бы не мои старания, так ты бы и не побил Ваську на Клязьме.

– Если бы не ты, так кровь вообще не пролилась бы! – напомнил князь. – В Золотой Орде московский стол я бы взял даром!

– Вот ты и сознался! Признаешь, стало быть, силу моих советов! Я Василию хорошо советовал в Орде и тебе то же дело говорю. Отбери у Василия Васильевича Коломну, отдай город своему старшему сыну! По-новому нужно жить, что на старину оглядываться? Зачем тебе московские бояре сдались! Новое право сейчас за тем, кто силен и удачлив!

– Нет!

– Смотри, Юрий Дмитриевич, один ты останешься. Бояре московские тебя не чтут. Коломну ты ему дал, и все они, как один, к Ваське сбегутся!

Юрий Дмитриевич глянул на сыновей. Трое их у него. И все разные! Как не может быть одинаковых пальцев на руке, так и дети у матери все разные. Не было со старшими братьями Дмитрия Красного. Не желал он ссоры с отцом.

Первенец Василий не сумел забрать всю любовь Юрия Дмитриевича, и большая часть нерастраченной нежности досталась младшему, Дмитрию Красному. Вот кому он дал бы Коломну, да нельзя – старшие сыновья есть. И об этой привязанности Юрия к младшему сыну знали все: челядь домашняя, бояре и даже приживалки, которые ютились по полатам.

– Только ведь не пойду я против Бога. Вон он, из угла на нас смотрит. Куда он перстом кажет? На небо. А оттуда всех видать. И так я грех тяжкий содеял, что кровь пролил. Я еще Василия и в Москву позову. Пир для него устрою. Дары ему богатые дам. Прощения просить стану!

– Совсем ты, князь, разума лишился. Ведь они же сыновья твои, а не щенки от приبلудной сучки. Трон-то детьми укреплять нужно.

– Только Василий мне тоже не чужой, а доселе старшим братом был!

– Так вспомни, как этот старший брат тебя в Орде позорил, заставил коня под собой вести. Все по-новому теперь смотрится. Не укрепляй Ваську властью. Ему только крикнуть, как со всей Руси к нему в Коломну дружины явятся.

Загорелось в груди у Юрия Дмитриевича, словно хлебнул он хмельного, только не разошлось оно по жилочкам, а жгучим кругом остановилось напротив сердца.

– Если так... посмотрим. Пока я великий московский князь, – хмуро обронил Юрий.

Василий Васильевич засел в Коломне. Невелик город, что и говорить, зато старший из всех городов после Москвы будет. Отец, Василий Дмитриевич, тоже с этого города начинал.

В вотчину Юрий Дмитриевич проводил своего племянника славно: устроил прощальный пир, одарил богатыми дарами и отпустил со всеми боярами. Добром простились. Однако злое предчувствие не оставляло Василия. Бояре рассказывают, что Всевожский Иван мутит двоюродных братьев и коломенское княжение подбивает у Василия Васильевича отобрать. Не по нраву им пришлось и то, что московские бояре пошли за прежним господином.

Василий Васильевич невесело понукал коня, который, почувствовав настроение хозяина, едва переставлял ноги. «Видно, разморило его в стойле или овес неотборный достался», – мимоходом думалось князю.

– Прощка!

– Да, господин государь, – охотно отозвался рында.

– В Переяславль послал гонца к боярину Ощепкову?

– Послал, Василий Васильевич.

– А в Углич, к князю Оболенскому, отправил?

– И к нему отправил, – засиял Прощка весенним цветом, показывая боярину щербатый рот.

– Зуб где потерял? – вяло поинтересовался князь.

– Зуб-то? – замялся вдруг Прощка. Было видно, что вопрос навял не лучшие воспоминания. – Давеча силами мерился с чернецом Агафоном. Упал я на камень, вот зуб и вылетел.

– Кто же кого одолел? – проявил Василий неподдельный интерес, сам любивший всякие молодецкие затеи.

– Да как тебе сказать, князь. Чернец Агафон боец видный! Ручищи у него ого-го какие толстенные. Как сожмет в объятиях, так всю душу может встряхнуть. Да ведь я тоже не промах. Только начал он меня на землю валить, я тут же извернулся и ногу ему подставил. Повалил все-таки чернеца. Да вот упал нечаянно, и беда, что на зуб, – охотно показывал Прощка осколок выбитого зуба. – А теперича он мне язык колет и саднит сильно. Страсть как болит, государь! Я уж и травкой его морил, и слова заклинательные творил. Ничего не помогает. Видно, огнем его обжигать нужно, авось малость и поухнет.

Чернеца Агафона Василий Васильевич знал. Всегда в черном рубище, с клобуком по самые глаза, он напоминал величественный каменный утес. Такой же мрачный и неприступный. И только была в монахе одна страсть – мериться силами. Кто кого на спину положит. Вот тогда оживал чернец. Глазенки его зажигались веселым светом и делались от того бесовскими. Скинет монах рубище на землю, чтобы имущество монастырское не порвать, и наступает смело. Ну, пощады не жди! И было большим дивом, что Прощке удалось уложить такую машину.

Кто только не ругал Агафона за это чертово пристрастие: игумен наставлял, братия косилась, епитимию не раз на него накладывали, грозили от церкви отлучить! А ему все нипочем. Если бы не эта его слабость, во всем примерным монахом был бы, хоть схимы принимай. Но Агафон готов отказаться от питья и еды, а от молодецкой удали – никак!

– А ты не врешь? – вдруг засомневался князь.

– Чего мне врать? У кого хочешь спроси, – достойно отвечал Прошка, – народу там много было. Даже игумен был. Он-то уж как радовался, когда я Агафона победил, говорил, что, может, это отвратит его от дурной забавы.

– На кулаках ты с Агафоном пробовал? – деловито поинтересовался Василий Васильевич.

– Кулачный бой? – Прошка почесал крутой затылок. – Трудно. Такую глыбину свалить непросто. Чернец Агафон и от ведра браги не упадет, а от удара кулаком только чесаться будет.

И снова тягостные думы одолели князя.

Василий Васильевич едва вступил в Коломну, как по многим городам разослал гонцов к родовитым боярам с приглашением на службу. Дьяк, слушая неторопливый голос коломненского князя, писал очередное послание: «Ежели помните отца моего, великого московского князя Василия Дмитриевича, и ежели сын его у вас в чести, милости прошу в удел мой Коломну. За честь вашу, жен ваших и чад постоять сумею. От беды оберегу. Вам же за верную службу положу богатое жалованье».

Из Галича, Новгорода Нижнего, Твери и еще из многих ближних и дальних земель Руси потянулись к внуку Дмитрия Донского бояре да князья за службой почетной и за богатым жалованьем.

Оставляли бояре московские земли, меняли белокаменные палаты Кремля на деревянные постройки Коломны. Каждый из них надеялся на то, что когда-нибудь Василий вернется в Москву, а вместе с ним прибудут в Первопрестольную и княжеские слуги.

– В Нижний Новгород отправил гонца к боярину Стародубову? – вновь спрашивал князь.

– Отправил, государь. Скоро он в Коломне будет. Из Москвы боярин Ощепа явится. Не привык, говорит, галицким князьям служить.

«От родовитых и знатных людей в Коломне тесно не будет. Разве не с боярами растет величие князя? Ежели что, так хоромины понастроим, – думал Василий. – И не какие-нибудь, а мурованные! Да такие, чтобы самой Москве завидно было».

– Прошка, поехали на медвежий двор, – Василию Васильевичу вдруг захотелось потехи. – Давно я там не был.

Медвежий двор находился подле княжеских хором. Содержала его дворовая челядь для забав молодого князя. Любил князь медвежью потеху. Медведя отлавливали аж под самым Ярославлем и доставляли к великокняжескому двору. Считалось, что зверь там особенно свирепый и крупный. Медведей всегда кормили сытно, да только какая челядь не без причуд – прикуют зверя цепями к клетке и давай измываться: пиками в бока колют, в морду головешки жженные суют. Хуже того, псов на него натравят. Зверь от такого обращения только сатанеет, а отрокам веселье. Впрочем, свирепый зверь и нужен для потехи. Медведь от ярости ревет, злобствует, лапами по клетки бьет, того и гляди, рассыплется прутья.

Охоч был князь Василий до зрелищ.

– Сколько сейчас медведей на дворе? – спросил князь.

– Четыре, – охотно отвечал рында. – Один так вообще громадина! Матерый зверь. Мы тут с травливали его с двумя медведями, он обоих задрал, – уважительно заметил Прошка.

– Скажи дворовым, чтобы его вывели, – распорядился Василий Васильевич.

Василий взобрался на стену, окружавшую медвежий двор, и стал наблюдать.

Скоро послышался рев, кандальное бречание цепей, и в тесный дворик вышел его обитатель – огромный косматый медведь. Он передвигался на задних лапах, слегка покачиваясь из стороны в сторону, видно, привык бродить так по лесу, где чувствовал себя хозяином. Медведь не озирался, он не привык делать этого у себя в дремучей чаще. На первый взгляд он казался добродушным, сразу потянулся мордой к угощению, которое оставили для него в углу. Мясо было свежее, а медведь голоден. Пускай же князь разглядит его получше. Когда зверь показывал свои желтоватые клыки, раздирая лосиную тушу, становилось ясно: добродушный вид его

обманчив. Князь видел перед собой бойца хищного и опасного. Медведь такой же князь у себя в лесу, как и он сам в своем уделе.

Зверь рвал тушу острыми зубами так легко, как если бы это была тонкая парча. Он глотал мясо огромными кусками и никак не мог насытиться. Князь невольно залюбовался медведем. Красив! Василию вспомнился отец, который любил медвежью забаву и один на один, потехи ради, выходил на медведя. А сам бы он мог осилить вот этого князя леса?

Медведь меж тем наелся лосиного мяса и сытно рыгнул. Он не обращал внимания на дворовую челядь, к которой привык, не слышал бестолковых распоряжений Прошки, не при- мечал самого великого князя. Медведь оттащил остатки туши в угол двора и когтистой лапой стал присыпать ее песком.

Прошка присел рядом с государем и негромко сказал:

– Медведи всегда так: сначала поедят, потом остатки туши землицей присыпят. С душ- ком зверь любит, когда запашок пойдет, тогда и доест.

Закопал медведь остатки туши, потянулся сладко и, не обращая внимания на крики зри- телей, улегся спать.

– Скажи дворовым, что я на медведя выйду. Да рогатину мне батюшкину принеси.

– Государь, одумайся! Зверь-то матерый! Не каждый медвежатник на такую махину пой- дет!

– Я приказал рогатину батюшкину принести! – рассердился Василий.

– Что же ты с ним поделаешь! – хлопнул себя по бокам рында. – Несу, государь.

Василий Васильевич сошел со стены. Только железные прутья отделяли его от мед- ведя. «Пришел час, чтобы испытать себя. Если одолею медведя, значит, прочие недруги не страшны, – думал князь, – ежели не одолею, стало быть, и великокняжеский стол не по чину. Пусть тогда на княжении Юрий Дмитриевич сидит честно».

Зверь, увидев князя, сделал навстречу первый неторопливый шаг, оскалится, показывая желтые клыки.

– Рогатина, князь! – тронул за плечо Василия Васильевича Прошка.

Василий ухватил крепкое древко. Острие заточено (любил Василий Дмитриевич, чтоб в порядке было оружие), только самый его кончик слегка надломлен. Вошла, видно, рогатина под ребро вот такого же зверя да там и обломилась.

– Открывай! – распорядился князь. – И чтобы никто ко мне не входил. Пусть это будет Божий суд!

– Как же, государь, неужто ты думаешь, что посмею оставить тебя?!

– Войдешь... до смерти запорю, холоп!.. Если жить останусь... – осатанел великий князь.

– Ну что ты будешь делать с государем! – опешил Прошка, но дверь отворил, и она тяжело заскрипела, впуская Василия во двор к медведю.

Василий вошел уверенно, так боец ступает на поле брани, – рогатина наперевес. Вот и встретились два князя: один лесной, другой коломенский. И каждый в своем уделе велик и не знает равного. Не часто можно увидеть князей, встречающихся в таком поединке, и этот бой должен выявить первого.

Маленьким показался Василий Васильевич в сравнении с медведем. Прошка Пришелец перекрестился и тихо сказал челяди, которая понабежала со всего двора смотреть поединок:

– Авось одолеет великий князь зверя. Сегодня день для ведьм тяжелый, нечистая сила отходит.

Василий Васильевич наступал на зверя смело: переложил рогатину с левой руки в правую и остановился, поджидая медведя. Видно, посчитал он постыдным убивать зверя, не ожидаю- щего удара. Пусть разъярится, а уж потом...

Медведь как будто не торопился: присел и совсем по-собачьи почесал ухо. Развернулся и зевнул сладко, показывая черную пасть. Один прыжок отделял медведя от великого князя. Вот

сейчас бы зверя рогатиной в шею ударить, и закончится бой. Но разве легкой победы жаждет Василий Васильевич? Никто не видел, как быстро шевелились его губы, он читал молитву во спасение.

Медведь – боец искусный: ухо правое рваное, огромный багровый рубец на боку уже начал зарастать шерстью. Василий Васильевич, чувствуя за спиной беспокойные взгляды челяди, обернулся, и в это мгновение медведь распрявился, в прыжке пытаясь достать великого князя. Ахнули дворовые люди. Василий едва успел подставить рогатину под брюхо медведю. Древко не выдержало многопудовой тяжести, сломалось, разрывая зверю внутренности. Заревел медведь и, раскинув лапы, пошел на князя. А Василий Васильевич уже и меч достал и точным движением, будто всю жизнь только и делал, что хаживал на медведя, распорол ему горло. Медведь дернулся раз, шевельнулся другой и затих навсегда, разбрызгивая кровавую пену на мелкий дворовый песок.

Василий Васильевич повертел в руках обломок древка и бросил его на скрюченную тушу.
– Свершился Божий суд. Теперь меня никто не остановит.

Еще подумалось Василию Васильевичу, что этим ударом он сравнялся со своим отцом. Василий Дмитриевич был знатный медвежатник, и первого зверя он побил, когда ему минуло восемнадцать лет. Как сейчас коломенскому князю.

То, чего так опасался Иван Всеволожский, случилось скоро: не успел Василий Васильевич Коломну занять, как к нему со всех сторон стали сходить бояре. Московская дума осталась без родовых бояр. Одни окольные да младшие чины. А Иван Всеволожский все более напирал на Юрьевичей:

– Все Семен этот! Морозов! Послушал его Юрий Дмитриевич и Коломну отдал супостату! Пусть бы и был Васька монахом, так нет же! Праведным, говорит, хочу остаться. Хочу, говорит, чтоб все по-христиански было. А теперь вот вы без престола остались. На старину Юрий Дмитриевич все ссылается, только время сейчас такое, что по-новому править нужно! А начать с того, что Семку Морозова наказать!

Василий Косой и Дмитрий Шемяка молча выслушали правдивые слова боярина. Иван Дмитриевич, зло брызжа слюной на кафтан, поглядывал в серые от злости лица братьев, увещал старшего:

– А что, если Семен Морозов и не московскому великому князю служит, а Ваське коломенскому! Что это о нем он так хлопочет? Проучить боярина надобно, пусть же знает, кто первый князь на Руси!

Юрьевичи вышли от Ивана Дмитриевича рассерженные. Василий Косой забыл застегнуть плащ, и он огромными крыльями развевался за спиной от быстрой ходьбы.

Братья спешили к Семену Морозову. Дом боярина стоял по соседству с крепкими хоромами Ивана Всеволожского, только улицу перейти. Двор Семена Морозова встретил князей враждебно: из будки, высунув косматую морду, забрехал здоровенный пес.

– Пшел вон! – прикрикнул Василий Косой.

Черные люди уже оттащили рассерженного кобеля, пичкая его сырым мясом.

– Хозяин где?! – орал Дмитрий Шемяка.

– У государя, Юрия Дмитриевича, – бросившись в ноги Василию, отвечал ключник.

Семена Морозова братья Юрьевичи застали в дворцовых сенях. Жарко было боярину в натопленной палате, вышел он в сени и ковшом черпанул яблочного квасу. Питье пришлось ему по вкусу, он смачно крякнул, и борода его заблестела от пролитой влаги. Боярин поставил деревянный ковш-уточку на полку, и она, словно покачиваясь на волнах, забренчала, перекачиваясь с боку на бок.

– Вот он, изменник, – ворвался в сени Василий Косой. – Ты нас без удела оставил! Ты батюшке присоветовал Ваське Коломну отдать!

– По-христиански я посоветовал! – Семен Морозов смело поднял глаза на братьев. – И не было ни в чем моей корысти!

Хоть и великие мужья Юрьевичи, а боярина великокняжеского тронуть не посмеют! И не холоп он какой, а сам из князей.

Василий Юрьевич не дослушал, подступил к Семену Морозову вплотную, а рука привычно отыскала клинок.

– Вотчины хотел нас лишить! Без наследства батюшкиного пожелал оставить! Ведь знал, изменник, что все бояре московские за Васькой в Коломну уйдут.

– Чего же мне не знать, ежели это бояре. Бояре народ вольный, кому хотят, тому и служат! – строптиво сказал Морозов.

– Чего ты с ним разговариваешь, Василий? Крамольник он! Злодей! – подошел с другой стороны Дмитрий. – Отца без опоры оставил, а нас без великого княжения! Он всегда лихоимцем для нас был. Тверич он! А тверичи никогда с москвитями не ладили! – поддержал старшего брата Дмитрий Шемяка.

Не мог смолчать Семен Морозов. Как унять гнев тверича, который, словно хорошо настоящая брага из-под плотной крышки, выплеснулся наружу.

– Сами вы злодеи! Душу свою бесу продали! И батьку своего мутите!

Василий Косой выхватил кинжал и ткнул им Семена в живот. Охнул боярин и присел на лавку, будто бы притомился, а ковшик-уточка не удержался на полке и слетел под ноги Шемяке. Размахнулся ногой Дмитрий и поддел носком сапога ковшик, отлетел он в угол сеней и затих.

Распрямылся Семен Морозов, оторвал ладонь от раны, разглядывая кровавые пальцы, только и вымолвил:

– Вот, стало быть, как!..

– На тебе! – ткнул боярина Дмитрий кинжалом в сердце.

– Жаль, что не в бою умираю... – посетовал боярин и повалился на лавку.

А из комнаты Юрий Дмитриевич кличет своего верного слугу:

– Семен!.. Где же ты там?! Куда запропастился? Семен!

Лежал боярин с открытыми глазами, брови насуплены, словно своей смертью укорял своевольных Юрьевичей: «Что же вы наделали, братья?»

Отшатнулся Дмитрий, попятился к выходу. Узкие сени напоминали великокняжескую темницу. Бежать надо, от гнева батюшкиного спастись, а ноги отяжелели, и не находилось сил, чтобы оторвать их от пола.

Юрий Дмитриевич кликал все настойчивее:

– Семен! Боярин!

И, словно услышав голос своего господина, скатился с лавки боярин, будто хотел сделать шаг навстречу государю.

Первым опомнился Василий Косой, тряхнул он за плечи Дмитрия и зашептал жарко в самое лицо, подталкивая к двери:

– Бежим, брат! Не простит нам батюшка!

Быстро князья сбежали с крыльца и вскочили в седла аргамаков.

Гулко зацокали о булыжник подковы удаляющихся коней.

Юрий Дмитриевич покидал Москву. Уходил князь не празднично, как бывало ранее: под трезвон колоколов, с пышной свитой, а шел тайно, словно опасался чьей-то жестокой мести. Удалялся великий князь, оставленный боярами и брошенный строптивыми сыновьями. Лишь пять бояр осмелились разделить участь некогда великого князя, того самого, который еще вчера безраздельно господствовал по всей Московии, с кем считалась Северная Русь, кого поддерживала Ливония. Власть ушла так же быстро, как скоро покидает запруду вода через разбитую плотину.

Юрий Дмитриевич попридержал коня, посмотрел назад. Снять бы сейчас шапку да поклониться Первопрестольной, но Москва молчала, спрятав от его взора купола церквей в мохнатые предгрозовые тучи.

Дорога лежала на Галич, в прежнюю вотчину Юрия Дмитриевича. Неласково встретила Москва, так же безрадостно и спровадила. Видно, ушла навсегда былинная старина и не прижиться в Москве князьям малых вотчин. И от этой догадки, которую Юрий Дмитриевич пытался спрятать даже от себя, сделалось нехорошо, а значит, его участь – управлять былой вотчиной, что передал Дмитрий Донской в наследство своему среднему сыну.

Уезжал Юрий Дмитриевич из Москвы, чтобы уже никогда не возвращаться в стольный город. Город, которого он добивался всю свою жизнь, отстаивая свое право на стол; город, который был причиной отдаления от старшего брата; город, из-за которого затянулась ссора с племянником, которая лихоманкой сотрясала всю Русь.

Теперь Москву Юрий Дмитриевич оставлял добровольно.

Растерял Юрий Дмитриевич прежний злой задор, присущий ему в молодости. Он устал от постоянных междоусобиц с братом и племянником, князь Юрий устал от жизни. Если бы он был не так стар, то разве отпустил бы от себя бояр? Показал бы им свою силу! А усталость вкралась не только в его тело, она отобрала у него и прежнюю волю.

Москва всегда была своенравным городом. Характер ее отличался от характера других городов, и если б не это ее своенравие и свободолюбие, то разве сумела бы она сделаться Первопрестольной? Обуздать Москву может только молодость и воля и законное право на стол. Этого права не было ни у него самого, и тем более нет его у строптивых Юрьевичей. Остается Василий Васильевич. Вот кому покорится Москва!

В день убийства любимого боярина, в страшном гневе на своих сыновей, Юрий Дмитриевич послал к Василию возницу с грамотой, в которой просил его вернуться на московский престол. Грамоту при свете луны нацарапал дьяк. Иногда Юрий Дмитриевич замолкал и, глядя на струйки копоты, подбирал слова. Он долго не знал, с чего стоит начать послание, а потом, подумав, наказал:

– Пиши так, дьяк... «Старший брат мой, князь великий Московский Василий Васильевич, пишет тебе брат твой младший, князь Галицкий Юрий Дмитриевич. Осерчал я шибко на детей своих, Василия и Дмитрия, за то, что посмели лишить живота боярина Семена Морозова. Старший брат мой, не держи на меня более лиха, сделай мне милость, возвращайся на московский стол и правь нами, как и прежде было. Я же обязуюсь быть тебе верным холопом, смуту не чинить, а на московский стол более права не иметь...» Написал? – спрашивал Юрий.

– Написал, князь, – покорно отвечал дьяк.

– Пиши далее... «Князь Московский, Василий Васильевич, дело свое от дел сыновей моих Василия Юрьевича и Дмитрия Юрьевича я отделяю, поскольку прокляты они отцовским словом. Обязуюсь не принимать отступников вовсе! Об этом же и сыну своему накажу, Дмитрию Красному. Просьба у меня к тебе есть, Василий Васильевич, стар я стал, не вели мне более садиться на коня, когда поведешь полки на супостата. И еще об одном прошу тебя, не неволь меня, ежели надумаешь на Литву идти. Свояк мой там правит, побратим Свидригайло. Оберегай тебя Христос! И на том кланяюсь. Младший брат твой, галицкий князь Юрий Дмитриевич».

Дорога показалась Юрию Дмитриевичу тягостной и, как никогда, бесконечной – длиною в прожитую жизнь! Чего только не передумаешь за это время. Нелегко отринуть от себя родную кровь. Не щенки ведь! Кому, как не им, дело отца продолжать.

От Васьки Косого, смутьяна эдакого, лихо идет. Он и раньше братьев младших задевал, а как подросли, так совсем их прижимать стал. Ладно отец вступился и по вотчинам их рассадил, а так быть бы драке. Видно, Васька Косой и подговорил Дмитрия Шемяку, чтобы

боярина Морозова убить. Да еще и Иван Всеволожский, как щенков безмозглых, князей на Семена Морозова науськал.

Юрий Дмитриевич особенно остро почувствовал одиночество, а тут еще ко всему и конь запнулся, зацепившись копытом за камень, и едва не сбросил седока. Не к добру это. Неизвестно, как Галич встретит. Эх, что за судьба такая! Трех сыновей вырастил, а помирать, видно, в одиночестве придется.

Рассвет застал Юрия Дмитриевича в дороге. Туман путался в ногах коней, стеной стоял на пути князя, но он уверенно направлял коня в белесое облако.

Ни дружины с ним, ни славных воинов, только несколько бояр. Кто знает, быть может, ушли бы и эти, да только стары больно. Не лучшее для них время, чтобы искать сытой доли в чужих вотчинах.

Не слал Юрий Дмитриевич вперед гонца с грамотой, который мог бы возвестить о приходе князя в свой город, чтобы челядь успела подготовить князю достойную встречу. И только когда показались деревянные стены детинца, а Юрий Дмитриевич уже отчетливо различал маковки куполов церквей, которые в сизом тумане казались нереальными, сказочными, раздался звон колоколов. Вот оно, приветствие Галича!

Юрий Дмитриевич снял шапку и, украдкой глянув на молчаливых бояр, утер набежавшую слезу. Это был дом, его вотчина, где он полноправный хозяин. Князь легко узнавал голоса колоколов: басил стопудовый Плач Ордынца, вслед ему гудел двухсотпудовый Ревун. Их мелодии долго гудели над городом, а потом запели колокола поменьше.

– Звонят, – сказал кто-то из бояр, – встречают тебя, князь.

Распахнулись ворота, и народ вышел навстречу великому князю. Первым шел епископ. Руки раскинул и на грудь князя принял.

– Постарел ты, Юрий, постарел, князь, – только и сказал владыка. – Бог с этой Москвой. Быть князем в Галиче тоже не малая честь. Не оставляй нас больше своей милостью.

Часть вторая

Старица Марфа

Высоко в небе парил ястреб. Он то поднимался под самый купол неба и становился едва заметной точкой, то вдруг стремительно падал вниз, превращаясь в грозную птицу, заставляя прятаться под куст серую куропатку и зарываться поглубже в нору тщедушного хорька. Ястреб не искал поживы, птица наслаждалась полетом, пробуя крепость своих крыльев в упругом потоке ветра. И они, послушные его воле, возносили гордеца на еще большую высоту.

Ястреб наслаждался полетом, так путник, томимый жаждой, не может напиться досыта, так тать одним поклоном не может замолить тяжкий грех. Ястреб все летал и летал, умело лавировал в потоке ветра, словно желал убедиться: а не ослабели ли его крылья в сытой, но тесной княжеской клетке? Нет, не ослабел ястреб. Он замечал малейшее движение на далекой земле, видел переполох птиц на речной заводи. Однако не спешил спуститься вниз и тем самым оборвать сладостные мгновения полета.

Василий Васильевич смотрел на любимца с надеждой. Это был ястреб, которого сокольники поймали два года назад. Птицу поили святой водицей, дабы рос он сильным и смелым, скармливали ему свежее мясо. Ястреб одинаково охотно попивал святую воду и сглатывал горячую кровь. Разве мог думать Василий Васильевич, что любимый ястреб, выпущенный в небо с его руки, уже никогда не вернется на кожаную перчатку? И судить его за это грешно, разве способна гордая душа вынести плен?

Прошка Пришелец не мешал разговорами господину, Василий Васильевич любил порой помолчать. Он ехал рядом, зыряка по обеим сторонам. Мысли Прошки были заняты совсем не полетом ястреба. Прошка думал о девке, с которой переспал на сеновале. Спелая была девка, ядреная, из великокняжеской дворни. Поначалу-то все брыкалась, а как прижал покрепче, так и сомлела. До сих пор Прошка чувствовал на шее жар ее поцелуев, вкус пухлых, сладких губ. Он заволновался, вспомнив ту ночь.

Уже прошла неделя, как великий князь Василий прибыл в Москву. Изменники наказаны, закованы в железо и сидят в темницах, только лихоимец Иван Всеволожский где-то скрывается.

Василий Васильевич, задрав голову, смотрел на волнующий полет птицы, и оставалось только дивиться, как держится на его макушке княжеская горлатная шапка. И ничего не было для него сейчас важнее, чем самозабвенный полет птицы.

– Не вернется ястреб, государь, – оторвался Прошка от своих дум, – видишь, крыльями машет. Это он прощается с тобой.

Жаль стало князю Василию птицы, такой уже больше не будет, и, оборотясь к Прошке, спросил:

– Боярина Всеволожского разыскали?

– Покамест нет, князь, – выдохнул Прошка. – Гонцов во все города отослали. Видать, запрятался где-то, лихоимец! Но ничего, сыщем мы его! Будет знать наперед, как государю изменять. Другим неповадно будет.

Отвлекся князь на минуту, а ястреб пропал с небес. Устал от долгого внимания и улетел за лес, где, быть может, надеялся отыскать себе пару.

Вчера великий князь встретился с Марфой. Боярышню Василий навестил тайно, только ночь и была свидетелем. Все глубже увязал во лжи великий князь, погружаясь в сладостный грех. И предстоящая расправа с Иваном Всеволожским виделась ему как освобождение от крепких пут. Василий Васильевич мог обмануть великую княгиню, но разве можно перехитрить бестию Прошку. И сейчас, поглядывая на него, московский князь читал в его глазах ехидную усмешку. Давно уже для Прошки не секрет отношения князя с дочерью Ивана Всеволожского.

А ястреб вернулся из-за леса с добычей, сжимал крепкими когтями длинную змею. Укрепилась гадина и давай ястреба обвивать, к земле тянет. Тяжело теперь давалась ястребу высота. Князь с Прошкой замерли, с волнением наблюдали за борьбой в небе. Покрутился ястреб, пытаясь избавиться от змеи, а потом, кувыряясь, упал в лес, ломая крылья о крючковые ветки.

Видно, так злые силы борются с добром, и не всегда побеждает правое дело.

Взгрустнулось великому князю. И свободы досыта не попил. Эх, бедняга! Возможно, именно так и должен был умереть ястреб великого князя, разбившись грудью о землю. И снова мысли вернулись в светлицу Марфы.

Она – девка сытая да ладная. И Василий Васильевич не без удовольствия вспоминал вчерашнюю ночь. Он перебирал в памяти все ласковые слова, которые нашептывала ему боярышня наедине, и ощущал, что слова эти, так же как и ее горница, обладали своим особенным цветом и запахом. Они казались московскому князю васильковыми, душистыми, как свежее сено, и податливыми, мягкими, как первая весенняя трава. Он поглаживал девушку по голове, и ладонь утопала в мягком шелке волос. Существует на Руси поверье, по нему женщина никогда не должна показывать своих волос, не может выйти за околицу простоволосой. Есть в них якобы сатанинская сила, что способна испепелить траву, навести мор на людей и скотину. От волос Марфы, наоборот, веяло покоем, теплом, были они мягкими, пушистыми. Не великокняжеские хоромы у боярышни: всего лишь горница одна. Вместо стекла – серая полупрозрачная слюда, вместо мягкого ложа – сено, укрытое холстиной. Но не было для Василия лучшего места, чем эта светлица.

– Князь, – Марфа посмотрела на Василия Васильевича, и по этому напряженному голосу он понял, что речь пойдет о главном. – Я знаю, что ты гонцов по Руси послал, батюшку моего ищешь. Что же ты с ним делать собираешься?

Боярышня лежала неприкрытой, не стыдилась любимого. Округлые бедра, плечи манили великого князя. «Эх, ежели б такую красоту великой княгине!» – подумалось Василию. Не было у Марии ни этих рук, ни шеи лебединой, пышности и дородности. «Вот если бы Марии чуток от того, что досталось дочери Всеволожского, быть может, и жизнь складывалась бы у меня совсем по-иному», – убеждал себя князь. Конечно, великая княгиня красива: и ростом удалась, и походка плавная, будто по кругу в танце плывет, но было в ней излишнее изящество, хрупкость, что деревенскими бабами, приученными к труду, считалось почти за изъян.

При упоминании о боярине Всеволожском московский князь нахмурился, но разве мог он солгать этим глазам?

– Боярин Иван Всеволожский будет наказан, – произнес он сухо, а ласковая мягкая рука боярышни легла на его грудь, и тепло от нее через кожу проникло в самое нутро. – Бояре судить его будут, – произнес он тише, – что смогу, то и сделаю. Бог даст, жив будет.

Прошка первый разглядел гонца. Он мчался к великому князю на сером скакуне, и за ним развевался длинный шлейф пыли.

– Великий князь, Василий Васильевич, – оборотясь к Василию, сказал Прошка, – никак гонец к тебе спешит. Видать, новость какую везет.

Василий пробудился от дум.

Гонец спешил, бросил Василию Васильевичу в ноги шапку и, сияя, сообщил:

– Боярина Ивана Всеволожского, сына Дмитрия, в Костроме сыскали. У боярина Ноздри в тереме прятался. Там еще двое Юрьевичей были. Не хотели они изменника давать, так мы его силой отняли.

– Где он?

– Бояре со дружиной до Москвы его везут. Что с ним повелишь делать, великий князь?

Уже минуло два года, как золотоордынский хан рассудил спор в пользу московского Василия. Вырос Василий Васильевич, и лицо его потеряло юношескую округлость, а острый под-

бородок зарос густой темной бородкой. Если бы не этот смутьян боярин Всеволожский, возможно, и не было бы долгого раздора с дядей, а стол московский достался бы ему с меньшими усилиями.

– А как, по-твоему, я должен поступать с изменником? – насупил брови Василий Васильевич.

Молод был князь, да уж не в меру крут: возьмет и рубанет сторяча мечом. И невозможно тогда найти на князя управу, только Божий суд и может его усмирить. Вспомнилось гонцу, как неделю назад повстречали они небольшое племя язычников, долгое время жившее неподалеку от Москвы в сосновом бору. Повернулся Василий в сторону костра, у которого стоял вырубленный идол, и грозно сказал: «Всех посечь!» И посекали всех мечами. Ни жен, ни чад не пожалели.

– Как я должен поступить с боярином, что лихо мне сотворил? – продолжал рассерженный князь. – Выколоть глаза его бесовские! Пусть же не смеет на господина своего смотреть! – Вспомнилась Марфа, теплая и желанная, и ее просьба: «Батюшку пожалей!» – Отвезти боярина в монастырь, и пусть он там слепцом свой век доживает. Нет в Москве для него места!

– Слушаюсь, великий князь! – сказал гонец и вскочил на коня, отправляясь в обратную дорогу.

Скоро Юрий Дмитриевич прознал об ослеплении боярина Ивана Всеволожского. Пожалел его князь, умом таких бояр, как он, крепка Русь, и рана, которая начала затягиваться сразу после примирения с Василием Васильевичем, открылась снова. Хоть и не было в окружении московского князя близких ему бояр, но о делах Василия Юрий Дмитриевич осведомлен хорошо. Чем, как не слухами, полнится земля. Знал галицкий князь и о том, что собирается племянник пойти на его строптивых сыновей, что рать московского князя пополнили полки из Ярославля, Суздаля, Ростова Великого. Хоть и отринул князь Юрий от своих дел Василия и Дмитрия, но не вытравить отцовскую любовь даже к нелюбимым сыновьям! Хоть и непокорными выросли они, но чем хуже прочих Рюриковичей? Никогда не жило племя Ивана Калиты в мире: раздоры и брань. Видно, такая судьба ожидает и внуков Дмитрия Донского. И вдруг понял престарелый князь, что не сможет отказать сыновьям, если явятся они к его двору с покаянием и обнажат русые кудри.

Это случилось скоро, на день святых Бориса и Глеба. Земля уже оттаяла, согрелась, и наступило времечко бросать в землю доброе зерно. В рощах заливался соловей и торопил крестьян в поле, отдохнувшее за время затянувшейся зимы.

Юрий Дмитриевич вышел на красное крыльцо. На нем он встречал желанных гостей, отсюда он любил смотреть на поля, которые начинались сразу за крепостными стенами и ровными делянками расходились во все стороны.

Рассвет едва наступил, а мужики уже были в поле, да не одни, а с женами. Так уж повелось в Галиче, что первые зерна они бросали вдвоем. И делали это затейливо, земля, как девка до замужества, ухаживания требует.

Князь из-под ладони увидел, что один из мужиков повелел своей бабе лечь на землю. Согнулась женщина, легла на весеннюю траву, ноги оголила до самого живота. Перекрестился мужик, поклонился на восток, распустил порты и лег на бабу. Согнула жена коленки и обняла ногами муженька. И не было в том греха, ибо ублажали они землю-кормилицу, и мать с отцом, и бабка с дедом, и все пращуры, что веками сеяли здесь рожь, делали то же. А иначе нельзя, земля обидеться может, и тогда не бывать щедрому урожаю. Баба от истомы стонет, едва криком не заходит, а мужик знай свое делает. А когда пришло время, чтобы одарить землю, поднялся он с бабы, встал на колени и стряхнул белую каплю на чернозем. То было первое семя, брошенное по весне на землю.

Ну а теперь и за соху можно. Лошадка стояла в стороне, лениво поглядывала на утеху хозяина. Подпоясал мужик портки, поплевал на ладони и вогнал соху в землю.

– Но! Пошла, кобылка! – понукал мужик лошадь. Жена уже успела одернуть сарафан и пошла вослед мужу разбрасывать золотистое зерно.

На дороге показались всадники. Пригляделся Юрий Дмитриевич и увидел стяги сыновей. Защемило отцовское сердце от предвкушения недоброй встречи. Но что поделаешь – родная кровь!

Вбежал боярин и, захлебываясь от радости, поведал:

– Батюшка! Князь Юрий Дмитриевич! Сыновья твои едут! Василий и Дмитрий у города! Может, в колокола прикажешь ударить?

Юрий Дмитриевич насупил брови и сказал сдержанно:

– Больно чести много... Так пусть въезжают. Нечего радость показывать. Спасибо им надо отцу сказать, что взашей не выставляю.

В покои великого князя Юрьевичи входили с повинной. Головы склоненные и ноги босые, только не было в глазах у сыновей того раскаяния, которое ожидал увидеть Юрий Дмитриевич. В глазах по-прежнему вспыхивали злые огоньки. И если явились они к отцу, то не для покаяния, а за помощью. Если бы пали они на колени, переломили гордыню, тогда и сердце оттаяло бы у отца. Эх, никогда меж собой не жили на Руси братья дружно. Но не хватило у великого князя духу каждого из сыновей огреть плетью. Боярина Морозова уже не вернуть, а с сыновьями не жить в мире – последнее дело.

– Что нужно? – спросил Юрий.

– Прости, отец, – начал Василий Косой, – только и ты не во всем прав. Если бы не было боярина Семена Морозова, стол московский за нами бы остался, и Васька вместо Коломны сидел бы где-нибудь на окраине.

Хотелось Юрию Дмитриевичу возразить сыну, сказать, что не удержать им никогда московского стола и совсем не Семен Морозов в том повинен, просто дело покойного Василия Дмитриевича навсегда отринуло старину. Участь двоюродных братьев быть при старшем Василии удельными князьями. Не станут служить московские бояре галицким да костромским князьям.

– Вы ко мне с этим пожаловали? – насупился Юрий. – Ваше дело от своего я отринул.

– Или ты погибели нашей хочешь, отец? – младший Дмитрий выступил вперед. – Неужели не знаешь, что Васька воинство собрал и к Коломне идти хочет?

– Зачем же вы Коломну заняли без дозволения московского князя?

– Мало ему Москвы, так он и Коломну решил захватить. Если мы этого не сделаем, так он и наши уделы отобрать захочет.

Была правда в словах старшего сына. Чем более выросл Василий Васильевич, тем более жаден становился до земли. Всю Русь ему подавай!

– А тут он еще на Верею зарится, на удел можайского князя Андрея Дмитриевича. Так за кем же она, правда, батюшка? Или не ведаешь об этом?

Как же не знать об этом Юрию Дмитриевичу, коли он не отшельником на Руси живет.

– Хорошо... Дам я вам свою дружину. – Подумав, добавил: – Но сам против Василия не пойду.

Как укрепился Василий Васильевич на московском столе, так сразу послал своего боярина Юрия Патрикеевича к городу Коломне наказать строптивых Юрьевичей.

Битва произошла на реке Куси.

Пойма не успела освободиться от талого снега, и дружины рубились, стоя по колено в холодной жиже. Раненых было мало, они падали в студеную воду, чтобы никогда не подняться.

Отважно билось московское воинство, но потеснили вятичи дружину великого князя, а самого Юрия Патрикеевича, сполна испившего стылой водицы, забрали в полон.

Не существует на Руси клятвы крепче, чем целование креста. А ежели и ее посмел преступить, так будешь предан анафеме во веки вечные, и гореть тогда нечестивцу в адском пла-

мени. Князь Юрий Дмитриевич не целовал креста в том, что не будет помогать сыновьям, а стало быть, не подвержен Божьему суду. Если и найдется на него судья, то это будет великий московский князь.

Василий Васильевич давно вышел из отроческой поры. Не юноша он теперь, а благочестивый государь! Да разве пристало великому князю спускать обиды, поэтому и ждал Юрий Дмитриевич подхода к Галичу московских полков.

Неделя понадобилась Василию Васильевичу, чтобы собрать новое войско и выйти в сторону Галича.

Затаился своевольный град: не слышно звона колоколов, не встречают князя бояре хлебом-солью. Ворота закрыты, мост поднят.

Воротился из дозора Прошка Пришелец. Конь под ним гарцует, подставляя солнечным лучам вышитые золотом чепраки. И яркие блики играют на нарядных доспехах верного рынды.

– В посадах мы поспрашивали, сказывали, что город пуст. Бежал Юрий Дмитриевич на Белоозеро. Не достать теперь его, Василий Васильевич.

– Не достать, говоришь? – проскрипел зубами Василий. – Предать град огню!

– Князь, может, с миром уйдем? – посмел возразить Прошка. – Город не виновен. Юрий Дмитриевич нам нужен, а не детинец. И стены его еще нам послужат. Не басурманы же мы.

– Уйти – и чтобы мне в спину чернь рожи строила? Нет! Сжечь город! Это вотчина князя Юрия Дмитриевича! Делай, как сказано! – прикрикнул на Прошку разгневанный князь.

Залили дружинники кипящей смолы в сосуды, насыпали пороха и забросали ими детинец и посады.

Деревянные избы вспыхнули почти разом в нескольких местах. Не прошло и часа, как соединились они в одно огненное кольцо. Пламя быстро охватило деревянные стены, перекинулось на кремль. Клубы дыма закрыли небо, и ядовитый чад душил вокруг все живое.

Если и защемило сердце Василия Васильевича, то ненадолго – не московские хоромы горят, а полыхает вражий посад! Великий князь Московский смотрел, как гибнет некогда сильный город. И был горд. Враг не повержен, но он трусливо покинул свой город, оставив его победителю.

Изготовилась дружина, опустив копья, чтобы по первому трубному звуку ворваться в город и колоть, рубить, резать. Махнул рукой великий князь. Нет, не будет последнего удара – пускай распрямится город Галич.

В Галиче уцелела только церквушка Троицкая. Помогли, видно, молитвы прихожан. Не сгорел Божий дом. Повсюду уголья чадят, а этот стоит на прокопченных бревнах, только кроваво проступила на них смола, и крест на маковке почернел, дымом порченный.

Сгинул в пламени и княжеский дворец, откуда совсем недавно наблюдал Юрий Дмитриевич за первым севом. Потоптался Юрий Дмитриевич на пепелище и к церкви пошел. Вроде бы в вотчину вернулся, а дома-то и нет! Напакостил великий князь и ушел, а теперь строить сызнова придется до студеных дней.

Поседел князь в одночасье, седые нити выступили на висках и в густой бороде.

Юрия узнали, народ у паперти расступился, пропустили князя в Божий храм. В беде все едины: что князь, что чернь.

Юрий Дмитриевич прошел в церковь, остановился у распятия и долго, стоя на коленях, молился. Он чувствовал на себе жалостливые взгляды горожан, которые впервые видели его голову непокрытой. Прежние обиды забылись, а ведь и крут бывал князь – не терпел слова, сказанного поперек, мог плетью наказывать, в яму посадить. И только один Бог был ему судьей.

Юрий Дмитриевич ушел, облегчив грешную душу молитвами, а толпа за ним так же молчаливо сомкнулась. Но знал князь – сейчас народ все ему простил, и в горе он вместе с ним. Им вместе все начинать заново.

Юрий Дмитриевич не умел долго предаваться горю и на следующий день повелел рубить лес для города и стен. Тоска уходила вместе с работой. Дома поднимались быстро: всюду стучали топоры, визжали пилы.

Мужики, утерев потные лбы, вздыхали:

– Эх, сейчас бы бочку хорошего вина! Тогда и работа спорилась бы пуще прежнего! Да в колокола ударить – то было бы веселье.

Соборные колокола треснули от жара, и только единственный на Троицкой звоннице остался цел. Пламя лишь слегка расплавил его крутые бока, но звон его от этого не сделался глуше, по-прежнему был мелодичен и ласков. Однако колокол берегли до особого случая, то была надежда Галича – вот если и он треснет, тогда не возродиться никогда городу.

Колокола были особой гордостью Юрия Дмитриевича: лучшие мастера Руси их отливали. Не жалел князь на благое дело серебра и щедро отвешивал драгоценный металл мастеровым. И то-то они потом радовали его своим перезвоном! Однако пожар разорил князя Юрия, и единственное, что оставалось ему сделать, – просить сыновей о помощи. Не отступись, родная кровь, помоги серебром и медью. Помоги сотворить чудо, чтобы, как прежде, зазвучал над Галичем колокольный глас.

Галич возродился.

Не впервой на Руси строить заново спаленный город. И месяца не проходит, глядишь, новые избы опять вдоль улицы выстроились, церквушка на пригорке устроилась, и даже корчма притулилась там, где народу удобнее собираться. Трудно поверить, что еще вчера здесь торчали развороченные огнем обугленные бревна. А сейчас что и напоминает о пожаре, так это редкие пепелища, и долго еще на них не будут расти луговые цветы.

Скоро были отлиты и колокола, и мужики охотно, задрав бороды в поднебесье, слушали их дивные песни.

Юрий Дмитриевич был не из тех князей, которые забывают обиды, хоть и не признавали его московские бояре, но силу он свою знал. Могущество, оно в единстве, сыновья-то с ним. И весной, закончив строительство города, Юрий Дмитриевич послал гонцов к сыновьям, просил постоять за отцовскую обиду. Отправил Юрий гонца и к своевольным вятичам, которые завсегда были горазды досадить московскому великому князю.

Собрав большую силу, Юрий Дмитриевич повел рать на Москву.

Полки галицкого князя стали лагерем у горы Святого Николы. Вот уже пятый десяток лет пошел, как облюбовал старик эту неприметную и заросшую лесом вершину для своего жилища. Так и прозвали ее с тех пор – гора Святого Николы. Редко кому удавалось увидеть старика, ибо выходил он из своей землянки ночью, а разговаривал с гостями через узенькую щель в двери.

Не было дня, чтобы не навещался к затворнику кто-нибудь из мирян, поговорит со старцем и краюху хлеба под порог положит. Тем он и жил.

Знающие люди говорили, что зимой и летом носил святой старец одну и ту же рясу, во многих местах прохудившуюся, но менять ее не желал и теплой одежды ни у кого не принимал.

– В этой рясе я иночество принял, – говорил старик, – в ней и помирать буду!

Ходил старец всегда без шапки, волос никогда не стриг, и они длинными седыми космами свисали по плечам.

Юрий Дмитриевич спешил у подножия горы и в сопровождении сыновей – Васьки Косого и Дмитрия Шемяки – пошел к землянке. Шапку князь с себя стянул и предстал перед святым с непокрытой головой.

– Отец Никола, – окликнул негромко старика князь. – Жив ли ты? Отзовись!

Некоторое время в землянке было тихо, а потом послышалось легкое покашливание.

– Кто ты, добрый человек? С чем пожаловал? – тихо спросил старик.

– Я великий князь Галицкий, Юрий Дмитриевич, – не сумел унять гордыню князь. И сразу понял свою ошибку. Не было для святого разницы, кто перед ним: князь великий или бродячий монах. Все рабы Божьи, и все проистекает от Его повеления.

– Слушаю тебя, князь.

И почувствовал Юрий Дмитриевич, что, быть может, величие не в княжеском звании да родовитости, а вот в этой святости, неприхотливости, простоте существования. А сам старик так возвысился над ним, ушел далеко, что никогда не догнать его ни в земной, ни в загробной жизни.

– Правду ли говорит про тебя народ, что ты княжеского рода и имя свое мирское скрываешь?

– Правда, – был ответ, – только ведь кровь и плоть у всех единая. Суета все! Один Бог вечен.

– Слышал ли ты, старец, о племяннике моем, московском князе Василии Васильевиче?

– Прости, князь, не слышал.

Подивился ответу Юрий, но спрашивал далее:

– А об отце моем Дмитрие Донском слышал? О брате Василии Дмитриевиче?

– О брате тоже не слыхал. А у Дмитрия, князя Московского, прозванного за подвиг свой Донским, я в дружине воеводой был. Кровь на поле брани чужую проливал, вот до сих пор и замаливаю этот грех.

– Знаешь ли ты, зачем я пришел к тебе, старец?

– Ведаю, – уверенно отвечал старик. – Одна болезнь у всех князей. Братьев наказывать хочешь. Только ведь не в расприх сильна Русь, а в единстве!

Если старец замаливает пролитую татарскую кровь, то как он смотрит на него, который идет проливать братову кровушку. Нет, не видать благословения.

Ушел Юрий Дмитриевич, и еще долго слышался ему теплый голос старца: «Только ведь не в расприх сильна Русь, а в единстве!»

– Государь Юрий Дмитриевич, – услышал князь голос воеводы. – К горе полки Василия Московского и Ивана Можайского подходят.

Пожаловали, стало быть, племянники.

– Трубить сбор! Не хочу святого старца сечей тревожить. Встретим рать московского князя в поле. Пусть звон железа не мешает ему молиться.

Отошла от горы рать Юрия Дмитриевича. И вправду: на горизонте пыль поднялась, скоро Васька здесь будет.

Для битвы галицкий князь выбрал поле огромное, где луговая трава высокая и сытная. Луговые ромашки, голубые колокольчики склонили свои головки, словно и они признавали господином Юрия Дмитриевича.

И часа не пройдет, как будет помята трава сражающимися, телами убитых и раненых, а ромашки скорбно поникнут, политые не дождевой водой, как бывало раньше, а кровью русича.

Рать Юрия терпеливо поджидала дружины Василия Московского и Ивана Можайского. Ратники прилаживали кольчуги и панцири, читали негромко молитвы. Сам Юрий Дмитриевич надел поверх красной рубахи байдану бесерманскую и крепко стянул ее широким поясом.

Полуденное солнце сильно припекало. Пот обильными ручьями заливал глаза, рубаха под кольчугой промокла и пристала к спине, долгого ожидания не выносили и кони, они без усталости махали хвостами, отгоняя оводов, нетерпеливо рыли копытами землю.

И когда первые ряды дружины Василия Московского поднялись на косогор, князь Юрий повелел стоящему рядом трубачу:

– Ну давай, с Богом, труби к бою!

Услышав трубный голос, рать Юрия Дмитриевича всколыхнулась, словно на ветру, и, изготовив наперевес копьей, двинулась на Василия Московского.

Стонали раненные, падали убитые, в панике носились по полю осиротелые кони, гремела без устали труба. И всюду звон, крики, ржание лошадей...

Третий час рубились ратники. Полки князя Юрия теснили рать Василия Васильевича. Обескровела дружина московского князя, повернули бы спины к врагу и во весь опор помчались бы к дому, но разве бывает смерть более позорная, чем в бегстве? Убегающего и колоть легче.

Полки князя Василия Васильевича отходили шаг за шагом. Видно, решил он сохранить силы для главного боя. На поле брани остались лежать первые ряды ратников, кто пал во спасение остальных. Другие, зная о своей участи, дрались отчаянно, сдерживая могучий натиск дружины князя Галицкого.

Позорно отходил Василий к Новгороду, только небольшая рать сопровождала московского князя.

Таков уж был Великий Новгород, что принимал под защиту своих крепких стен опальных князей, тем самым всегда наживая могущественных врагов. И закреплял за собой бунтарскую славу. Однако иного он себе не желал, только в вольнице сила великого города. И не было над Господином Великим Новгородом большей власти, чем народное вече.

Сейчас московский князь шел на поклон к бунтарскому вечу просить у него помощи. Славился Новгород не только богатыми купцами, вольнодумством, но еще и тем, что всегда был готов пригреть обиженного, не откажет в помощи слабому.

Не ждал Василий Васильевич от города многошумного и добродушного колокольного звона в свою честь, не ждал каравая душистого хлеба, поданного на рушнике. Вот если бы город дружину дал добрую, а там и с Богом. Авось в долгу не остался бы! С этой мыслью ехал Василий в славный Новгород.

Не умел Новгород служить ни московским князьям, ни закованным в тяжелую броню ливонцам, ни татарам на лихих конях: у тех и у других отвоевывал свое право на независимость. Город представлял силу, не считаться с которой было невозможно. Где самые богатые купцы на Руси? В Новгороде Великом! Где самые искусные пушкарники? В Новгороде! Чьи колокола звонче всех к заутрене зовут? Новгородские! А чьи мастеровые могут белокаменные церкви ставить? И здесь Господин Великий Новгород первый! Только новгородские каменщики стены мгновенно залатать способны, только новгородские купцы могут золото дать. А ежели и Новгород не поможет, тогда не найдется другой силы во всей Руси, чтобы пособить. Не единожды Москва просила помощи у Новгорода. Сами московские князья, въезжая за его крепкие стены, шапку смахивали.

Ехал Василий Васильевич за ратной силушкой. С версту осталось до мурованных новгородских стен.

Сошел с коня Василий Васильевич – решил в город идти пешком, тем самым показав свое смирение. Конь послушно ступал за хозяином, следом шли немногие из бояр.

День был базарный, и Василий направился на Торговую сторону. Мост, под которым река Волхов несла свои воды в холодную Ладогу, поскрипывал. У моста, прижавшись крутыми бортами к берегу, стояли иноземные парусники. На палубе в тюках лежало сукно, в мешках – соль; по мосткам на берег черные люди выкатывали бочки с пивом. На Опоках высился храм Иоанна Предтечи, перед входом иконка Божией Матери. Вокруг церкви «Иванское сто», в толстые стены которой упирались длинные торговые ряды, толпился народ. Важно, в длинных черных мантиях, шествовали по базару заморские купцы, холеными пальцами шупали блестящие шкурки бобров. Прощка Пришелец, глянув на кудлатую голову князя, предостерег:

– Черного люда полно, князь. Шапку бы надел.

Натянул государь Василий Васильевич соболью шапку на самые уши и пошел дальше.

Не знал Новгород голода. Жил он всегда сытно, славился хлебосольством. На торговых рядах в изобилии выставлен хлеб, который свозили в Великий Новгород со всей Северной Руси. Поморы к столу новгородцев доставляли жирную сельдь и рыбу.

Размашисто, вдоль всей реки, проходил рынок. Под навесами устроился суконный ряд, мясной, рыбный. И, созерцая это изобилие, Василий Васильевич подумал, что торг в Москве будет поскромнее.

Всем взяли новгородцы: не было у них того трепета перед богатым платьем, который отличает крестьян и черный люд Московии. Дерзко вскинет иной малолеток бесовские глазищи и окликнет проходившего мимо заморского гостя:

– Господин! Сало отведай. На вкус такое, что язык проглотить!

Трудно было не поддаться на уговор и не отпробовать угощения, а уж если отведал, так бери целый шматок!

А иной малец, не считаясь с чином, тянет родовитого гостя за рукав и зовет к своему лотку, где его батянька черпает темное пиво и разливает его в деревянные чаши просителей.

Подошел князь к бочке, бросил на лоток деньгу и тотчас получил чашу с пивом. Ожило нутро от горького напитка, в голове зашумело, и сделалось веселее.

– Куда идем, князь? – поинтересовался Прохор.

– К посаднику, – махнул рукой повеселевший князь. – Авось не откажет в помощи.

И, поглядывая на богатый торг, Василий в который раз позавидовал тому, что купцы московские были победнее.

Василий и Прошка прошли Плотницкую сторону, где мастеровые чинили прохуdivшиеся лады, собирали срубы. Здесь же, у самой реки, стоял крепкий дом. Тут проживал новгородский посадский дьяк Кондрат.

На стук глухо забрежал за воротами пес, и тотчас раздался во дворе строгий голос:

– Чего орешь, ушастая бестия! А ну пошел в конуру! Гости это!

Заскрипели ворота, отворяясь, и Василий Васильевич увидел дворового мужика.

– Батюшки-святые! – выдохнул мужик. – Никак ли сам московский князь к нам пожаловал? Проходите, дорогие гости, проходите! Надо было бы вам вперед себя гонца послать, мы бы сумели вас встретить! Кондрат Кириллович, радость-то какая, – орал слуга, – московский князь у нас на подворье!

В белой вышитой сорочке и синих широких портках на высоком крыльце появился сам хозяин дома. Если бы перед ним появился сам Иисус Христос, возможно, он удивился бы куда меньше, чем приходу великого московского князя.

Московские князья приезжали в Великий Новгород всегда с большой дружиной, загодя посылали гонцов, чтобы город успел приготовиться к встрече и величал бы их хлебом-солью да звонкими колоколами, низкими поклонами черных людей. Чтобы митрополит Новгородский шел впереди встречающих и несли бы чудотворную икону; и сам князь въезжал бы не по голой земле, а чтобы копыта жеребцов топтали дорогие иноземные ковры. Только к таким почестям привыкли московские князья. И всегда сосед – древний Новгород старался ублажить честолоубивого сильного соседа.

Сейчас великий московский князь был один, если не считать немногих бояр, которые жались за его спиной. Пропала былая горделивость и высокомерие во взгляде, которыми отличались московские Рюриковичи, и посадник Кондрат Кириллович понял, что произошло нечто важное. Видно, это «что-то» заставило смирить прежнюю великокняжескую гордыню, вот оттого и явился Василий в Великий Новгород не хозяином, а изгнанником.

Не сломался в поклоне Кондрат Кириллович, что случалось в прежние времена. Был он сам теперь хозяином положения. Ведь новгородцы величали его по имени и отчеству, называли «батюшка наш». Заложил за пояс Кондрат ладони и смотрел с вызовом на великого князя.

Нахмурился московский князь, не по душе ему пришлась вольница Новгорода.

– Здравствуй, Кондрат. Что же ты князя Московского не хочешь приветить? Или не господин я?

– А для меня есть один господин – вече народное! Князь Московский меня не выбирал. У него своя земля есть. Новгород, он всем городам старший брат.

Василию Васильевичу захотелось возразить строптивому посаднику, сказать, что, дескать, прошли те времена, когда Великий Новгород величали старшим братом, и что только один город на Руси может быть первопрестольным, но сдержался. Если бы явился он в город с великой дружиной, нашелся бы, что ответить дерзкому посаднику. А сейчас Кондрат на обидные слова и прогневаться может. Бывало в истории Великого Новгорода, когда изгоняли они за ворота неугодных князей, а про гостей не понравившихся и говорить нечего. Взашей выпрут!

Посадник, желая загладить неловкость, проговорил мягче:

– Ну, чего же ты у порога застыл, князь? Проходи в хоромы, ведь не иноземец какой, а свой, русский. За столом и расскажешь про дела. И что за беда тебя в Новгород привела. – И лихо прикрикнул на дворовых людей, которые сбежались посмотреть на московского князя: – Чего рты пораззявили?! А ну бегом стол готовить! Не видите, что ли? Проголодался Василий Васильевич! Пойдем, государь, пойдем, – чуток приобнял посадник Василия за плечи.

Разговор начался после того, как великий князь с боярами отведали шесть кушаний кряду. Молодые девки, зыря на юного князя, убирали со стола пустые блюда. Утер ладонью жирный рот Василий и, оборотаясь к посаднику, сказал:

– Опять Юрий Дмитриевич ссору затеял. На московский стол зарится, супостат.

– Знаю, – махнул рукой посадник. – Чай, не в пустыне живем. Народ уже сказывал об этом. Говорят, побил он тебя на реке Куси и под Ростовом.

– Побил, – согласился Василий. – Теперь мой черед сдачи давать. Может, ты мне поможешь новгородскую дружину собрать? Что скажешь, Кондрат Кириллович?

Кондрат был из поморов. И дед, и отец его жили тем, что ходили в заморские страны, торговали мехами, ловили белорыбицу и привозили с собой удивительные истории про житие-бытие заморское, рассказывали, что происходит вне родных стен. Чужая жизнь казалась удивительной: дома всюду строили из кирпича, церкви были высоченные, со множеством колоколов, даже обычные дороги выложены брусчатником, и оттого даже в самую непогоду грязи на них не увидеть. Быть может, и Кондрат навсегда связал бы свою жизнь с морем, умножая славу своего удивительного края, да только судьба распорядилась иначе. Приглянулся смышленный мальчишка новгородскому тысяцкому: и грамоту понимает, и на язык остер. Года не прошло, как пятнадцатилетний отрок сделался при тысяцком подьячим. А как вошел в мужицкую силу, женой обзавелся, стал тысяцкий именовать его дьяком. Может, суждено ему было остаться дьяком при сильном новгородском тысяцком, если бы не случилась беда: в лютую годину, когда Витовт, презрев крестное целование, двинул литовское воинство на Новгород, попал тысяцкий в полон. Вот тогда возглавил дьяк новгородское ополчение. Вместе с дружиной Василия Дмитриевича отбросили литовцев от Пскова и Новгорода, освободили тысяцкого.

И, поглядывая сейчас на Василия Васильевича, Кондрат вдруг обнаружил, как похож тот на своего отца. Даже кольчугу его надел! Та же пряжка золотая у самой шеи, а на ней выбито: «Сохрани меня Господь!» Василий Дмитриевич уберется, своей смертью помирал великий князь, какова судьба сыну его достанется?

Хоть и непохожими были Москва и Новгород, но объединяла их всегда одна беда: как Новгород просил у московского князя помочь защитить пригороды от ливонцев и шведов, так и московский князь посылал за помощью в Великий Новгород, чтобы поднимались они супротив ордынцев. И не было в этой поддержке ничего зазорного.

Кондрат поерзал на скамье, нужно было отвечать московскому князю. Однако не мог подобрать слов умный посадский.

Не успела оправиться Новгородская земля от недавней войны с ливонцами, а тут, не далее как полгода назад, прошел по ее большим просторам мор, который унес тысячи жизней. Хотелось сказать Кондрату, что обезлюдела Новгородская земля: многие деревни пусты, некому землю пахать по весне. И собрать воинство будет непросто.

– Ты же знаешь, Василий Васильевич, все решает вече! Это у вас на Москве все просто. Пожелал князь – оторвал мужиков от сохи и собрал посошную рать. Набрал черный люд и пустил на врага. А новгородцы народ вольный! Холопов у нас отродясь не бывало. Как вече решит, так тому и случиться. А я противиться не стану.

– Вече, говоришь? Пускай будет вече. Только поначалу я сам бы хотел на этом вече высказаться.

– На вече может говорить каждый. Вот завтра и устроим. Эй, Манька! Фекла! Девки! Где вы там?! Дайте князю горло наливой ополоснуть! И еще медовуху несите. Да покрепче! Ту, что в чулане под навесом стоит. Липовую.

Вече проходило на Ярославском подворище, на Торговой стороне, и с трудом вместило всех новгородцев. Однако тесно здесь никогда не бывало. Плечом к плечу стояли ремесленники и купцы, поморы и заморские гости. В центре дворища – стеньга, помост, сколоченный из грубых досок; тут же било, которое зазвучало в то утро по-особому звонко, заставляя стекаться к площади народ.

Монах, высоченный и сутулый детина, колотил молотом по тяжелому железу, и бухающий звук с каждым новым ударом расходился далеко во все стороны, будоража и торговую площадь, и новгородский посад.

Новгородцы подходили к дворищу степенно, сдвинув на самые затылки мохнатые шапки, и скоро двор наполнился гулом.

На стеньгу взобрал Кондрат и одним взглядом охватил площадь. Он был виден отовсюду – с ближних и дальних уголков Ярославского дворища.

– Братья новгородцы, – сказал Кондрат, сняв перед великим вольным собранием шапку. – К нам в Великий Новгород приехал московский князь Василий Васильевич просить нашей помощи супротив дяди своего, галицкого князя Юрия Дмитриевича. Что вы скажете на это, новгородцы?

– Пусть князь Московский говорит! – раздалось из толпы.

– Пусть князь свое слово скажет!

– Василия желаем выслушать!

Василий Васильевич стоял близ помоста в окружении бояр. Если кто и повелевал им когда-то, так это митрополит Фотий, который укорял князя в прелюбодеянии, в несоблюдении постов, в жестокости к мирянам. Еще по малолетству ругал его отец, Василий Дмитриевич. Здесь же были новгородцы, чужие ему люди, которые хотели видеть князя и слышать, что он им скажет, как поведет себя.

Им нужен был не пряник и не кнут, а слово, которое способно пробить до глубины души.

Василий хорошо знал и уважал Новгород – город с крепкими стенами, чугунными воротами, величественными соборами. Сейчас на него смотрели те, кто сотворил это чудо, те, чьей славой живет вольный Новгород. Сейчас Василий находился в самом сердце прекрасного города, на главном его дворище, где собирается вече, и, глядя в открытые лица новгородцев, он понял, что убедить их будет нелегко. Не гордецом, жестоким и властолюбивым, не побежденным и униженным должен предстать князь перед людьми, а сохранить спокойствие и достоинство.

– Вольный город Новгород! Пришел я к тебе не с дружиной и войной, а с миром и низким поклоном. Я пришел к тебе за помощью и советом... – И тут Василий Васильевич вспомнил, что не обнажил голову перед новгородцами, как того требовал обычай, шлем его показался ему невероятно тяжелым. Но он князь! Он Рюрикович! Разве подобает князю, избранному самим

Богом, обнажать голову перед смердами? Пусть это даже новгородцы. – Помоги мне, Новгород, отобрать стол московский у давнего моего недруга Юрия Дмитриевича, снаряди для меня дружину! Ну, а внакладе я не останусь, отблагодарю тебя сторицей! – Вече молчало. – Разве Новгород не помнит того добра, какое делал ему отец мой, Василий Дмитриевич, отстаивая от шведов и ливонцев! Разве мало московитов полегло под стенами Новгорода?! Я не хочу быть вам старшим братом. Я буду относиться к вам так, как это делал мой батюшка Василий Дмитриевич! А если и была когда-то между нами какая-то беда, прошу покорнейше прощения. На то только Бог вам и судья! – Князь спустился со степени, смешался с толпой, только княжеские бармы и отличали его от стоявших бояр.

На степень взобрался вихрастый детина, расшитая рубаха выдавала в нем мастерового.

– За помощью к нам пришел великий князь, а гордыню норовит впереди себя выставить. Шапку перед вольными людьми постеснялся снять. А может, он сраму боится? Только мы ведь не холопы, каждый сам себе хозяин! Бывало, мы указывали на порог князю и приглашали другого... – Порыв ветра взъерошил кудри детины, и он стал похож на воинственного петуха. – А для нас один господин – Великий Новгород!

Новгородцы тревожно загудели:

– Чего нам Москва?! Мы сами по себе! У Москвы свои заботы!

Детина откинул кудри, глубоко за пояс заткнул шапку и продолжал:

– Ты нас, князь, не неволь! Не привыкли мы к этому. И нужды в том особой нет, чтобы рать новгородскую собирать. Это твое домашнее дело, вот с дядей один и разбирайся! Если бы помощь от татар просил или от латинян, тогда отказа бы не получил. Первым бы я в ополчение пошел! А здесь расходятся наши пути-дорожки!

Детина давно уже спрыгнул на брусчатник, а новгородцы продолжали тревожно гудеть:

– Верно говорит! Не пойдем к Москве. Чего зазря животы класть! Юрий Дмитриевич никогда зла Новгороду не желал!

– Юрий Дмитриевич с Новгородом в мире был!

Ясно стало Василию, что помощи от Великого Новгорода не видать. Ох уж этот Господин Великий Новгород! Только одна досада от него. Орут каждый свое, не считаясь с чином. Такое в Москве невозможно.

Покинул великий князь вече, а слова новгородцев еще долго звучали в ушах, беспокоя.

Вечером к Василию пришел Кондрат и, словно винаясь, завел разговор:

– Не моя это воля, слышь, князь. Я всего лишь посадник новгородский. Захотело вече – избрало меня, а пожелает, так и взашей за ворота выкинет. Вече всему господин! Думаешь, князь, просто нам кровь русича пролить? Ой как трудно! Так что не обессудь, государь, и помощи от нас не жди. В Новгороде можешь жить сколько захочешь. В обиду тебя не дадим. – Кондрат надел шапку, постоял и добавил: – Может, тебе в Нижний идти, авось не откажут там.

Василий остался один, через грязно-мутное стекло тускло пробивался дневной свет. В комнату вошел Прошка:

– Государь Василий Васильевич, письмо тебе от Ивана Можайского.

Свое послание Ивану Можайскому великий князь отправил сразу, как только прибыл в Великий Новгород. Все это время он с нетерпением дожидался ответа, от которого, быть может, зависела не только личная его судьба, но и участь великого московского княжения. Сейчас, получив весть от двоюродного брата, он боялся услышать правду.

– Читай! – протянул великий князь послание верному слуге.

– «Государь мой и старший брат князь Василий Васильевич Московский, живи в здравии.

Спасибо тебе за послание, не забываешь ты меня своей заботой...»

– Читай дальше, суть хочу слышать!

– «Матушка шлет тебе поклон, справляется о твоём здравии...»

– Главное читай! – сжал кулаки князь.

Прошка отыскал глазами то, чего ожидал услышать великий князь.

– «Государь мой, князь великий Василий Васильевич, где бы я ни был, всюду слуга твой верный. Но сейчас, прости, не могу пойти за тобой. Силой мне грозит Юрий Дмитриевич! Отписал мне третьего дня, что, если я за тебя вступлюсь, пойдет на меня войной. Но теперь нельзя терять мне свою отчину. Не хочу, чтобы матушка скиталась по чужим дворам неприкаянной. Прости меня, государь, на том кланяюсь тебе низко».

Растерял величие московский государь, будто его и не бывало. А бояре? А что с них взять! Служат тому, кто посильнее, вот только Прошка один и остался, да и то потому, что безродный и без племени.

– Что делать будем, великий князь?

Василий Васильевич посмотрел на двор, где молодка сыпала зерно набежавшим курам, и отвечал честно:

– Не знаю.

Неделю стольный град выдерживал натиск дружины Юрия Дмитриевича. Среди осаждавших был здесь и полк Ивана Можайского.

Воевода московский, Роман Иванович Хромой, плевал со стен на головы гонцам галицкого князя Юрия Дмитриевича и отворять ворота не велел. А потом, когда воевода, сраженный, упал, московские бояре распахнули ворота и вышли навстречу сыну Дмитрия Донского, держа в руках хлеб-соль.

Смилостивился Юрий Дмитриевич: простил всех бояр, а отважного воеводу повелел отпаивать травами.

Великих княгинь Юрий Дмитриевич видеть не пожелал. Приказал их вести по улицам через весь город. Горожане отворачивались, смотрели себе под ноги, не желали видеть позор Марии Ярославовны и Софьи Витовтовны. Не пряча лиц, они пешком прошли до самых ворот, где их уже дожидалась колымага, чтобы отвезти великих княгинь в заточение в монастырь в город Звенигород.

У самых ворот Марья Ярославовна посмела потревожить свекровь вопросом:

– Матушка, может, Василий забыл про нас?

Софья Витовтовна строго посмотрела на сноху и зло оборвала:

– Ты чего такое говоришь! Как это московский князь может о матушке и жене своей забыть? Не время ему сейчас! Вот соберется с силами, тогда... тогда и вернется в Москву. Подмогу он ищет, чтобы совладать с Юрием. Не старые времена, бояре новому князю служить не станут. А еще я брату отпишу. Не будет он к себе Юрия принимать. Вот попомнишь мое слово, один Юрий останется!

Мария Ярославовна ни о чем более не спрашивала. Хотела она поделиться с ней тайным, но удержалась. Охладел к ней Василий Васильевич, не желает ее. Завелась у великого князя зазноба с синими глазами в боярском тереме. И Мария приняла свою судьбу покорно. Как же пойдешь против мужниной воли? Видно, не сумел московский князь устоять против соблазна, вот и кружит, злодейка, ему голову, зельем приваживает.

Земля всегда полна слухов. Мария знала и о том, что сперва Василий Марфе обещал жениться, об этом у московского князя и договор с Иваном Всеволожским был. Да вот Софья Витовтовна настояла на своем. Однако синие глаза прочно приворожили Василия Васильевича, и, видно, не сыскать наговора, который мог бы вытравить эту болезнь.

– Да, матушка, один князь Юрий останется, – поспешила согласиться Мария.

Челядь помогла Софье Витовтовне подняться в колымагу, рядом села и Мария. Возница повертел головой и, увидев, что княгини расселись по местам, взмахнул кнутом.

– Пшел, лентяй! Пшел! Ишь ты, застоялся!

Лошадь, помахивая густой гривой, неохотно потащила колымагу по дороге.

Не сыскал Василий Васильевич помощи в Великом Новгороде. Не пожелали новгородцы ссориться с окрепнувшим галицким князем, который обеими ногами взобрался и на московский стол. И первые монеты с изображением нового князя уже попали на новгородский торг. Василий Васильевич долго разглядывал серебряный круг: на одной стороне всадник, поражающий змея, на другой неровными буквами выведено имя нового московского князя. Подержал на ладони Василий Васильевич монету и швырнул ее в грязь. Кони торопливо затоптали монету и порысили дальше по нижегородской дороге.

Помог один Кондрат, собрал великому князю небольшую дружину, чтобы проводила его до московских пригородов с честью, а на том и конец.

Всю дорогу Василий Васильевич был угрюмым, а если говорил, то словно зерна спелые бросал на пашню.

Наконец подъехали к Владимиру. А что, если повернуть к Белокаменной, в родную вотчину? Неужели отступится от своего господина московский народ? Может, гонцов сначала послать, а самому ехать не спеша, дня за три доехал бы.

Бояре поведали: во Владимире ждал отдых. Задиристую песню затянул Прошка Пришелец. Тут уже и Московская земля недалеко, почитай, своя вотчина! Ратники заговорили о долгом постое, о медовухе и женах. Небольшая рать Василия Васильевича измоталась в чужих землях и хотела хоть небольшого, но отдыха. С владимирской стороны веяло покоем и теплом. Город Владимир сытен и хлебосолен, не откажет великому князю в гостеприимстве.

Василий Васильевич оглядел свою немногочисленную рать и произнес, прервав все мечты и ожидания своих ратников:

- Во Владимире останавливаться не будем. Едем дальше.
- Куда же дальше, князь?
- В Нижний!

Приуныли враз бояре и челядь. Скрывая от Василия Васильевича досаду, воротили носы ратники, и бестолковой сейчас казалась песня Прошки. Скоро угасла и она, не поддержанная никем.

Опытными ловчими оказались Юрьевичи: заставы, выставленные на дорогах, извещали их, что Василий свернул с Владимирской дороги и пошел в Нижний Новгород. Василий Васильевич чувствовал за спиной дыхание братьев и знал – остановись он во Владимире хотя бы на день, сечи не избежать.

Не было сейчас на Руси человека, которому бы он сумел довериться, а князь Нижегородский тоже себе на уме. В темницу, конечно, не запрет, но и против Юрьевичей вряд ли захочет выступить. В Орду надо ехать, к хану Улу-Мухаммеду, вот кто не обидит. А там, может, и стол московский сумеет вернуть.

– В Бахчисарай едем, – повернул на ордынскую дорогу князь Василий. – Заступничества у хана Мухаммеда просить станем.

Юрий возвращался с охоты и с дороги видел, как бабы, подоткнув подола, дергали сорную траву. На руке сокольника тихо клекотал ястреб. Не было сейчас для Юрия Дмитриевича милее музыки, чем голос птицы.

– Восточный ветер дует, князь. К напасти это, – произнес сокольник. – Видать, быть в этом году болезням. Примета такая есть на Луку Ветреника.

Не хватало Юрию Дмитриевичу Семена Морозова, вот кто мог его добрым словом утешить. А с сыновьями, кроме родства, ничего и не связывает. Сказано им было не трогать Василия, а они его до сих пор по всей Северной Руси, как зайца, отслеживают.

Когда подъезжали к Москве, у самого моста князя вдруг неожиданно качнуло, да так крепко, что, не держи он поводья, слетел бы с седла. Оглянулся назад Юрий, кажись, никто не приметил его слабости, лишь конь, видно почуяв тайный недуг хозяина, пошел еще тише; старался ступать осторожнее по неровной дороге.

Вечером Юрию Дмитриевичу сделалось совсем худо. Кожа покрылась красными пятнами, и князя стал одолевать жар. К утру ему полегчало, и тело его, как и прежде, наполнилось привычной силой. Но он не знал, что болезнь уже завладела им, и через некоторое время на коже появились кровоточащие язвы. Юрий слег. Знахарки, приглашенные к больному князю, пичкали его разными травами, шептали молитвы, но Юрию Дмитриевичу становилось все хуже.

Боясь княжеского гнева, старухи утешали его, твердили:

– Потерпи, князь. Потерпи самую малость, батюшка, хворь и отойдет.

– А если не отойдет? – неожиданно спросил князь.

И только самая смелая ответила:

– Если не отойдет хворь... значит, Господь к себе заберет, батюшка.

Для всех было ясно, что болезнь отняла у князя последние силы и дни его сочтены.

Галицкие бояре, пришедшие за Юрием в Москву, не отходили от своего господина. Как могли помогали своему государю: кто пить подаст, слово доброе скажет, ведь вместе много дорог пройдено.

– Виноват я перед великими княгинями, – тихо говорил князь. – В заточение я их отправил... в Звенигород. – Лицо его кривилось и в мерцании свечей выглядело мертвенно-бледным. – Я бы еще перед Василием Васильевичем повiniлся, братичем моим. Видно, это Господь меня за многие злодеяния наказывает. Дьяк! – крикнул князь, собирая последние силы.

– Здесь я, батюшка! Здесь! Чего писать-то прикажешь? – дьяк разглаживал бумагу ладонью.

– Пиши вот что... Стол московский оставляю князю... Василию Васильевичу.

Не удивились бояре решению князя. Совесть Юрия Дмитриевича. Бывало, слугу накажет за провинность, а потом сапоги ему дарит.

Дьяк добросовестно выводил буквы, то и дело макал перо в чернильницу. Большая темная капля вдруг капнула прямо на бумагу. Дьяк слизал чернила и продолжал писать дальше.

– Пиши... что винюсь перед ним, прошу прощения, как у старшего брата... – не успел князь закончить свои предсмертные указания, захрипел да и почил с миром.

Дьяк, отерев чернильные руки о кафтан, прикрыл умершего.

Великого князя Юрия Дмитриевича похоронили в Архангельском соборе у восточной стены. Утомился беспокойный князь. Московские и галицкие бояре, прекратив прежнюю вражду, собрались вместе, стали решать, что делать дальше. Кресло великого князя оставалось свободным, и бояре поглядывали ненароком в дальний угол, словно надеялись, что Юрий Дмитриевич сумеет справиться с такой напастью, как смерть, и встанет из могилы.

Первым заговорил конюшенный Григорий Плещеев, он был старейшим из бояр:

– Господин наш, князь Юрий Дмитриевич, повелел звать на московский стол Василия Васильевича. У Юрия Дмитриевича три сына осталось. Васька Косой мог бы быть московским князем по новому праву. Что скажете, бояре?

С лавки поднялся постельничий, боярин Сабуров Петр.

– Можно было бы уважить волю князя Юрия Дмитриевича. Только ведь ее как будто бы и не было. Митрополит должен стоять рядом у постели и подтвердить слова покойного, а Юрий отошел неожиданно, даже причастие не успел принять. И волю свою он до конца не изрек. А где Василия Васильевича сыскать? Рыскает он где-то по Руси, что волк без логова. А Юрьевичи рядом, вот им и нужно писать! А там как Бог даст.

На том и порешили.

Полки Дмитрия Шемяки торопились по Владимирской дороге вслед князю Василию. Он находился в двух днях пути, и пыль едва осела на придорожную траву.

Со стороны Владимира навстречу воинству спешил гонец.

– Эй! – Детина осадил коня рядом с ратником, чинившим в стороне от дороги огромную пищаль. – Как великих князей Василия и Дмитрия сыскать?

– А чего их искать, – отложил в сторону оружие ратник. – Дмитрий час назад уехал, говорят, зайца гонять. Его полки на лугу. А Василий здесь... Вон в тех хоромах брата ждет. Коням отдых нужен, семь дней под седлом.

Спешился гонец у хором и, сняв шапку, уверенно стал подниматься по крутым ступеням. У самого входа его попридержал отрок с бердышом.

Детина отстранил от лица бердыш и зло выругался:

– Глаз проткнешь, пес смердячий! С письмом я срочным к великим князьям спешу!

Переглянулась стража, но гонца пропустила. А у дверей уже Василий Косой стоит, подбоченился, заслонил статной фигурой весь проем.

– Куда прешь! Не видишь, князь перед тобой!

Посыльный согнулся в поклоне и разглядел, что сапоги у князя татарские, вышитые голубками, кожа на голенищах красная, словно по крови ходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.